

ЗЕМЛЯ 2.0

РОМАН ЗЛОТНИКОВ • АЛЕКСАНДР
И ЛЮДМИЛА БЕЛАШ • МАКСИМ ХОРСУН •
ИГОРЬ МИНАКОВ • МАЙК ГЕЛПРИН

Русская фантастика (Эксмо)

Виктор Точинов
Земля 2.0 (сборник)

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Точинов В. П.

Земля 2.0 (сборник) / В. П. Точинов — «Эксмо»,
2018 — (Русская фантастика (Эксмо))

ISBN 978-5-04-090265-1

Каждый родитель знает, как трудно выпустить из дома любимое чадо. Особенно если за стенами дикая пустыня. Тем более – инопланетная. Пустыня, в которой водятся живые смерчи, способные в одно мгновение поглотить все металлические детали скафандра... На Марсе произошло чудо – он оказался пригодным для жизни! А чудо, как известно, находится в ведении церкви. Папа Римский отправляет на Красную планету монахов из ордена иезуитов, дабы эти смиренные служители Бога могли возносить Ему хвалу далеко от Земли. Однако все пошло отнюдь не по плану Святого Престола... Деметра – удивительный мир. Все, что ни посадишь в ее почву, вырастет. Даже если это брелок в виде Эйфелевой башни. Вот только не кроется ли за этой щедростью местной природы опасного подвоха?... Будущее невозможно без освоения Космоса – дальнего и ближнего. Рано или поздно человечеству станет тесно на Земле, и уже не отдельные его представители, а целые семьи отправятся в далекий путь, чтобы сначала заселить Марс, а потом и планеты у других звезд. Но будет ли эта экспансия проходить гладко? Какие опасности ожидают нас в других мирах? Сможем ли мы стать лучше или перенесем свои, не решенные на Земле, проблемы на галактические просторы? На эти и другие вопросы пытаются ответить Роман Злотников, Александр и Людмила Белаш, Максим Хорсун, Игорь Минаков, Ярослав Веров, Майк Гелприн и другие ведущие российские фантасты в сборнике, посвященном 60-летию юбилею Космической Эры!

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090265-1

© Точинов В. П., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

В границах Солнечной	7
Роман Злотников	7
Вера Огнева	13
Тимур Максют	22
Людмила и Александр Белаш	35
Ярослав Веров	49
Максим Хорсун	58
Конец ознакомительного фрагмента.	74

М. Гелприн (сост.) Земля 2.0 (сборник)

Серия основана в 2003 году

© Авильченко И., Анискова Н., Белаш А., Белаш Л., Белая А., Богуцкий Д., Венгловский В., Веров Я., Гелприн М., Зонис Ю., Злотников Р., Камардин В., Кокоулин А., Максют Т., Минаков И., Огнева В., Празнова Е., Рэйн О., Сафин Э., Скоробогатов А., Точинов В., Удовиченко Д., Хорсун М., Щетинина Е., Ярлова Л., 2018

© Состав и оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

«Одной из целей нашей организации является укрепление здоровья, морально-волевых качеств и трудолюбия, а также пропаганда здорового образа жизни, чтобы те, кто уже работает в космической сфере, были здоровы и полны энергии.

Для нас важно, чтобы люди стремились к завоеваниям в космосе, и мы хотим видеть в рядах сотрудников предприятий космической отрасли больше молодежи. По нашему мнению, для этого нужно вернуть взгляд человека к звездам, чтобы он перестал искать возможности для завоеваний на Земле.

В свое время огромный вклад в стремление человека к космосу и работе в этих сферах сыграли такие выдающиеся писатели, как Жюль Верн, Айзек Азимов, Станислав Лем и, конечно же, Борис и Аркадий Стругацкие. Благодаря их творчеству миллионы людей по всему миру искренне хотели стать космонавтами или как-то иначе помогать в освоении новых планет и галактик.

Данный сборник, по нашему мнению, как раз возрождает эту традицию в литературном мире. Мы очень рады этому и считаем, что подобное начинание заслуживает самой широкой поддержки».

Руководители АНО «Спортивный клуб Федерального космического агентства Роскосмос»

В границах Солнечной

Роман Злотников

Чрезвычайное происшествие

Дежурство было скучным. И это радовало. Потому что когда дежурство протекает скучно, то это означает, что все идет нормально и автоматическая система контроля пространства работает в штатном режиме, вследствие чего вмешательства человека ей совершенно не требуется. Поэтому дежурному диспетчеру можно слегка расслабиться и... бдеть. То есть, несмотря на всю скуку, ни воткнуть в уши наушники, надвинуть на глаза рамку голопроектора и погрузиться в нирвану музыки или нырнуть в чудесные миры нового голофильма, ни, скажем, придремать на дежурстве было нельзя. Потому что, во-первых, все это было прямо запрещено всеми мыслимыми инструкциями и, во-вторых, категорически не рекомендовалось еще и более опытными товарищами. Впрочем, к Евсею Сергеевичу последнее не относилось. Потому что для большинства состава диспетчерской он и был как раз тем самым «опытным товарищем». Недаром его должность именовалась «старший диспетчер». Вследствие чего, кстати, в перечень его обязанностей кроме всего прочего входили еще и контроль за обычными диспетчерами, и обучение молодого пополнения. Именно поэтому правое кресло диспетчерской в настоящий момент занимал стажер. Ну а в левом, на «капитанском», так сказать, месте восседал сам Сергеич, как его именовал кое-кто из руководства. Впрочем, список этих «кое-кто» был весьма куц. Потому что кому ни попадя подобные вольности старший диспетчер СКП12М237 позволять не собирался.

— Тьфу ты, вот зараза... — ругнулся Евсей Сергеевич, когда тоненькая часовая пружинка, вместо того чтобы аккуратно опуститься на положенное ей место, в самый последний момент соскользнула и «выстрелила» наружу, отскочив на дальний конец подковообразного пульта. Стажер, сидевший на правом кресле, покосился на лежащие перед старшим диспетчером старенькие наручные часы с вывернутыми наружу внутренностями и пренебрежительно сморщился. Мол, нашел дед чем заняться — лучше б какой заранее скачанный фильм посмотрел или музыку послушал. Полное погружение, конечно, на дежурстве запрещено, но можно ведь и в древнем 3D помучиться. Все одно подобная убогость лучше, чем в подобном, совсем уж дремучем антиквариате ковыряться... Евсей Сергеевич уловил брошенный в его сторону взгляд и едва заметно усмехнулся в усы. Ничего-ничего, вот отсидит милюк дюжину подобных дежурств, сам начнет искать, чем руки занять. Тупо зависать, пялясь в экран или слушая «пубумканье», как он называл современную музыку, конечно, можно, но не сутками ж подряд. Дежурство же тянется двенадцать часов, большую часть которых заняться совершенно нечем. Вот потому-то большинство диспетчеров и заводят себе «хобби», занимающее не только органы зрения и слуха, но еще и руки с мозгами. Кто вяжет, кто плетет, кто фигурки из дерева вырезает, ну а он, эвон, ремонтом старинных механических часов увлекся... Евсей Сергеевич аккуратно отодвинул в сторону часы с сильно выцветшей надписью «Командирские» на циферблате и, кивнув подбородком в ту сторону, куда отлетела деталь, повелительно произнес:

— А ну-ка, молодой, сбегай, принеси мне пружинку.

Стажер недовольно покосился на старшего диспетчера и, нехотя поднявшись, побрел в сторону дальнего конца пульта. Но едва он успел ухватить пружинку, как дверь в диспетчерскую с легким шелестом ушла в стенку и в освещенном приглушенным светом помещении появилось новое лицо.

– Ну и что у нас плохого? – уныло поинтересовался вновь прибывший, входя внутрь и стягивая с себя слегка влажную куртку. Евсей Сергеевич аккуратно снял с носа солидный и явно антикварный оптический прибор, представлявший из себя очки, прямо на правом стекле которых была присобачена этакая объемная нашлапка-окуляр, сложил дужки, достал из кармана очешник, открыл его, умастил внутрь вышеупомянутый оптический прибор и только после этого развернулся в сторону говорившего.

– Вот смотрю я на тебя, Василий, и все понять никак не могу. Ну чего ты все время каркаешь? Ворона какая-то, право слово.

– Не ворона, а реалист, – пробурчал тот, обходя Евсея Сергеевича и направляясь ко второму креслу, все еще хранящему тепло задницы стажера. – Страна у нас такая. Ничего хорошего в ней никогда произойти не может. Одни глупости и катастрофы.

– Вона как... – Евсей Сергеевич покачал головой. – И чего ж ты тогда до сих пор в этой стране, а не уехал куда, где этих глупостей и катастроф не случается?

– А кому я еще нужен со своей профессией-то? – огрызнулся Василий. – Я ж не олигарх и не из этих, как их... заднеприводных творческих, которым везде рады. Только жопу подставляй, и сразу же в гении и кумиры запишут. Вот и мучаюсь тут с вами...

Евсей Сергеевич хмыкнул в усы и покачал головой:

– А чего ж сам-то не подставишь? Ежели все так просто-то? Штаны снял – и в дамках!

Василий боднул насмешливо смотрящего на него старшего оператора контроля пространства угрюмым взглядом и, тяжело вздохнув, с сожалением произнес:

– И как ты еще не сдох-то, Сергеич, от своего яда? Похоже, он на тебя, как на кобру, не действует. А-а-а... ну тебя! Давай смену сдавай и катись отсюда. Нехрен мне настроение портить.

– Нет у меня никакого яда, Василий, – усмехнулся Евсей Сергеевич, – одно недоумение. Вот вроде со стороны на тебя глянешь – все у тебя нормально. Работа – хорошая, интересная, жена умница, только все с тобой мучается... детей трое – все обуты, одеты, накормлены. Старшая, как я знаю, в музыкальной школе занимается и балетными танцами. Средний – в математической школе учится и на самбо ходит. Младшенькая пока в саду, но жена твоя тоже ее на какие-то развивающие курсы таскает каждый день, почитай. Зарабатываешь, оно, конечно, не как олигарх какой, но, насколько я знаю, семью каждый год то в Сочи, то на Мадагаскар, то вон, как в прошлом году, на Луну отдыхать возишь. Или забыл, как у меня, ну, как замсекретаря профкома, льготную путевку оформлял? Катер, опять же, для рыбалки имеется... А как тебя послушать, так нет у тебя никакой жизни – одни страдания, – после чего махнул рукой и, протянув руку, щелкнул торчащим на пульте слева от него тумблером включения системы общего оповещения.

– Дежурный оператор СКП12М237, регистрационный номер КАКМ22/117 приступил к передаче дежурства. Просьба воздержаться от несрочных сообщений до 8.11.

Василий в ответ на его спич скривился, но поскольку процесс передачи дежурства уже стартовал, не стал огрызаться, а двинулся по привычной и не раз отработанной схеме, бросив в свой микрофон:

– Дежурный оператор КАКМ22/311 приступил к приему схемы. Положение на опорных орбитах?

– Количество постоянных объектов в секторе СКП12М237 на орбите ВО1–223, переменных 106, – привычной скороговоркой начал Евсей Сергеевич. – Из них с массой покоя выше 10 000 тон – 23, выше 100 000 тонн – нет, на орбите ВО-2–123, переменных 94, из них с массой покоя выше 10 000 тонн – 14, выше... – Процедура передачи дежурства размеренно текла аж до пяти минут девятого, когда неспешно течение сдачи/приема дежурства было внезапно нарушено ревом тревожных баззеров. Все, кто находился в диспетчерской, замерли, уставившись на большой экран, на котором тревожно мигала ярко-алая дуга, в кото-

рую перекрасилась полоса, обозначающая четвертую высокую опорную орбиту. Ну еще бы – последние раз пятнадцать баззеры включались только лишь и исключительно во время учений. А последнее реальное срабатывание тревожной сигнализации системы контроля пространства произошло не менее шести лет назад. И на тебе...

– Ну а я что говорил! – И все закрутилось. Евсей Сергеевич глухо ругнулся под нос и, пробежавшись пальцами по сенсорному пульта, заорал в микрофон:

– ЧСКК «Wielkoludzie», срочно займите отведенный эшелон, повторяю, ЧСКК... – Процесс передачи дежурства пока не завершился, так что вся ответственность по-прежнему оставалась на нем.

– Не-а, хрен получится, – злорадно выдал Василий. – Это ж поляки, они, похоже, вчерашнюю победу своей сборной в континентальном кубке празднуют. Упились там все. И автомат предупреждения столкновения отключили, чтобы не верещал на пьяные головы...

Старший диспетчер боднул его сердитым взглядом и повелительно махнул рукой. Да, дежурным диспетчером оставался именно он, но в случае резких изменений обстановки Евсей Сергеевич, как старший диспетчер, имел полное право задействовать любые дополнительные силы. А сейчас это явно было необходимым. Уж больно паршивая расчетная траектория у съехавшего с отведенной ему орбиты ЧСКК вырисовывалась. Василий, несмотря на все свое занудство и нытье, все-таки был профессионалом. Ну дык других в диспетчерской и не держали... Так что включился он практически мгновенно.

– ССКМт 2217 – срочно перейдите в эшелон 2–88... ТВС «Шпиналь-33» переход в эшелон 2–65 запрещаю, срочно вернитесь на прежний эшелон... всем орбитальным объектам в секторах 2/22/311, 2/22/311 и 7/22/311 немедленно прекратить переход на парковочные орбиты, стабилизировать параметры и перейти в режим ожидания... – Стажер смотрел на все это разинув рот и судорожно стискивая пружинку в потном кулаке. Ибо перед ним сейчас разворачивалось завораживающее зрелище работы двух профессионалов, которые будто фэнтезийные маги одним голосом и движениями пальцев перебрасывали с орбиты на орбиту множество «летающих гор» весом в сотни тысяч тонн из стальных, алюминиевых и титановых сплавов и сложнейших многослойных композитов. И это было... завораживающе.

– ЧСКК «Wielkoludzie», ответьте диспетчеру, – последний раз воззвал в микрофон Евсей Сергеевич, после чего решительным жестом ткнул пальцем в пару иконок на сенсорном пульте и жестким голосом произнес – Дежурный оператор СКП12М237, регистрационный номер КАКМ22/117, вызывает объект «Мухолково», – после чего замолчал, ожидая ответа.

Василий же, услышав эти слова, дернулся и, резко развернувшись к старшему диспетчеру, произнес севшим голосом:

– Ты чего, старшой... там же люди!

– Вот именно, – сердито рявкнул Евсей Сергеевич и ткнул пальцем в мерцавшие экраны, буквально засиженные отметками орбитальных объектов, как немытое стекло мухами, большая часть из которых мигала тревожным желтым и оранжевым цветом, означавшим, что они находятся в опасном секторе. – Там – люди. И много. На одной ВО-4 в зоне возможного столкновения шесть орбитальных объектов. Из них на двух не менее чем по три десятка человек – на ЧОО 04/227 только вечером новая группа туристов прилетела. Я сам челнок к ним вчера вечером подводил. А на ЧОО 04/032 аж две смены металлургов – отработавшая и новая. Сменившихся челнок с орбиты только через пять часов вниз везти должен. Сам считаешь, сколько трупов будет, если эти алкоголики, которые, между прочим, грубо нарушили все инструкции, поскольку система предупреждения столкновений у них точно отключена, вовремя не проснутся.

Василий вздрогнул и слегка втянул голову в плечи, пробормотав:

– Да я че, я ж ниче. Все ж по инструкции...

– Вот и я о том, – вздохнул старший диспетчер, – как бы там ни было, ближайших соседей ты, слава богу, распахал как смог, так что давай-ка продолжай их вызывать, пока с «Мухолково» говорить буду. Минут пять люфта у этих пьяниц еще имеется...

Все знают, что космос – это просто умопомрачительные скорости и не менее умопомрачительные расстояния. Даже просто для того, чтобы подняться на орбиту Земли и остаться на ней, нужно достигнуть первой космической скорости. А это, на минутку, 7.9 километров *в секунду*. При том, что скорость звука составляет всего лишь 0.331 километра в ту же самую секунду. То есть почти в 24 раза меньше. А ведь все мы считаем сверхзвуковой самолет очень быстрым! Так что расстояние, скажем, в сто километров для орбитальных условий – это вроде как локтями толкаться. Двенадцать с половиной секунд полета... Но все дело в том, что подобные скорости орбитальные объекты развивают именно относительно Земли. Потому что для того, чтобы им удержаться на орбите, они должны нестись над планетой по такой дуге, которая будет точно повторять изгиб планетарного шара. Т. е. двигаться по орбите – это как бы постоянно падать, но так, чтобы из-за достигнутой скорости Земля при этом тоже как бы постоянно убегала вниз... А вот относительно друг друга орбитальные объекты чаще всего двигаются гораздо медленнее. Десятки и единицы метров в секунду. А при наибольшем сближении скорость может упасть и вообще до сантиметров в минуту. Но это уже когда объекты сходили почти совсем вплотную... Так что до момента столкновения с ближайшим орбитальным объектом, с которым ЧСКК «Wielkoludzie» должен был неминуемо столкнуться, время еще было.

– «Мухолково» на связи, – громко пророкотало в динамиках, а в левом верхнем углу центрального экрана возникло окно, в котором проявилось изображение мужчины в военной форме. Василий замер. Евсей Сергеевич тоже на мгновение заколебался, неуверенно покосившись на мигающую красным дугу четвертой высокой опорной орбиты, после чего решительно тряхнул головой и произнес:

– Говорит дежурный оператор СКП12М237, регистрационный номер КАКМ22/117. У нас чрезвычайная ситуация на ВО-4. ЧСКК «Wielkoludzie» начал несанкционированный сход с орбиты, по траектории, ведущей к столкновению со стационарными орбитальными объектами. На вызовы ЧСКК не отвечает. Попытки коррекции траектории не зафиксированы. Считаю необходимым для устранения угрозы привести в действие протокол «Свет».

– Принято, – после короткой паузы отозвался военный. – Протокол «Свет» запущен. Прошу передать текущие координаты объекта, расчетную траекторию, предложения по наиболее безопасным конусам разлета обломков и точное время окончательного принятия решения.

Нет, все эти параметры военные могли бы «снять» и сами (что они, кстати, скорее всего, давно сделали), но ответственным за состояние дел в своем секторе орбит все-таки оставался дежурный диспетчер. Так что, поскольку никакой войны или нападения в настоящий момент не было и не предвиделось, решение о выстреле, призванном ликвидировать образовавшуюся на четвертой высокой опорной орбите угрозу, принимать должен был тоже он. Со всеми вытекающими из этого последствиями... На мгновение в диспетчерской повисла напряженная тишина, как вдруг... в динамиках раздался хриплый голос:

– Kogo kurwa przyniósł?

– Ответили! – выдохнул Василий и тут же ожесточенно лупанул по клавише сенсорного пульта, включая автопереводчик, после чего зло заорал: – Вы там совсем мозги пропили, пшеки долбаные? А ну быстро включили автомат предупреждения столкновений, курвы!

– ...automat unikania kolizji, dziwki! – эхом донеслось из динамиков.

– O, matko boska! – испуганно пискнуло из динамиков. После чего тревожно мигающая дуга четвертой высокой опорной орбиты сначала прекратила мигать, затем перекрасилась из

красного в оранжевый, почти сразу начавший постепенно выцветать в желтый. Евсей Сергеевич подождал пару минут, после чего повернулся в сторону все еще висящего в углу экрана изображения военного и с явственно слышимым облегчением в голосе громко произнес:

– Внимание, «Мухолково», говорит дежурный оператор СКП12М237, регистрационный номер КАКМ22/117. Вследствие выхода на связь экипажа ЧСКК «Wielkoludzie» и принятых после этого действий диспетчерского пункта контроля пространства СКП12М237 констатирую, что применение протокола «Свет» в отношении ЧСКК «Wielkoludzie» потеряло необходимость. Прошу произвести отмену данного протокола. – Столь витиевато пришлось выражаться вследствие того, что все сказанное и сделанное в этой диспетчерской скоро неминуемо станет предметом рассмотрения в суде. Те ребята, которые сейчас находились на борту ЧСКК «Wielkoludzie», совершенно точно очень сильно вляпались. Вообще-то, на предупреждение подобных ситуаций работало очень много систем, программ и строжайших статей уставов. За безопасностью ближнего космоса человечество следило очень и очень пристально. И любые нарушения здесь пресекались со всей строгостью закона. Никаких космических «чернобылей» и «фукусим» здесь никому не надо было. Но как сказал в свое время гениальный Эйнштейн: «Бесконечны лишь Вселенная и глупость человеческая, при этом относительно бесконечности первой из них у меня имеются сомнения»...

– Принято. «Мухолково», отключаюсь, – отозвался военный, и окно с его изображением плавно истаяло с центрального экрана...

– Ну что, молодой, как первые впечатления? – с легкой усмешкой поинтересовался Евсей Сергеевич у стажера, когда они, сдав наконец столь нервно закончившееся дежурство и пройдя парочку кругов ада предварительного расследования, добрались-таки до терминала вызова колесного беспилотника. Тот поежился и бросил:

– Да уж, жесткач полный. Лучше б я в театральный пошел...

– В театральный, говоришь... – хмыкнул Евсей Сергеевич. Потом что-то прикинул и, повернувшись на пол-оборота влево, рубанул рукой.

– Вон там, где-то в двух с половиной тысячах километров южнее, есть развалины города Вавилон. Слышал про такой?

– Ну да, – недоуменно отозвался стажер.

– Так вот, этот город еще четыре тысячи лет назад был очень развитым центром цивилизации. Центром торговли, ремесла, науки, культуры. И на его улицах и площадях, а также в особняках богатых горожан и дворцах знати сотни актеров, факиров, заклинателей змей, талантливейших танцовщиц и искуснейших арфисток развлекали толпы людей, приводили в восторг тысячи ценителей и заставляли рукоплескать сливки тогдашнего общества, вплоть до царей и цариц... – Он на мгновение замолчал, как будто бы не замечая недоуменного взгляда, которым уставился на него стажер, после продолжил: – Так вот, могу тебе сказать, что все они, так же как и нынешние, старались сыграть свои роли «на уровне лучших классических образцов», или «предложить новое прочтение классических образов», «бросить вызов замшелым традициям», либо «предложить новое видение классики», или там «задать новые тренды в искусстве». Не знаю, как это звучало на аккадском, но смысл был именно таким. Уж можешь мне поверить. – Евсей Сергеевич сделал короткую паузу, после чего закончил. – А потом они возвращались в свои глинобитные хижины, освежались кувшином кислого самобродного пива, после чего валились на лежак из нарубленного тростника и засыпали, укрывшись грубой дерюгой.

– И что? – не понял стажер.

– А то, что, какими бы они талантливыми ни были, сколько бы сил ни отдавали своему творчеству, до каких бы вершин самореализации ни поднимались... ничего вот из *этого* они изменить не могли. Никак. Вообще. Потому что есть дело и ДЕЛО. Я и сам иногда с удовольствием в театре выбираюсь и приятную музыку под шашлычки послушать не против. Но

если ты хочешь, чтобы после тебя человечество, все мы, люди, стали сильнее, умнее, научились новому, ранее для нас недоступному, а то и вообще немыслимому, и пошли дальше, к звездам, а там и к новым галактикам, то театральный – это точно не твой выбор. А дальше – решай сам...

Первый подкативший беспилотник уже давно увез старшего диспетчера, а молодой стажер все еще продолжал стоять на остановке, переводя взгляд то на звездное небо, то поворачивая голову в ту сторону, в которой за две с половиной тысячи километров сиротливо возвышались среди пустыни развалины древнего Вавилона...

Вера Огнева Марсианский синдром

Тирренская Патера
23.04.2216

Вчера он вернулся.

Я почти не ждала – устала ждать. Больше полугода мои сообщения не находили адресата. Месяц прошел с объявления мира, когда корабли марсианского флота спустились с орбиты. Кто-то вернулся домой, кому-то звонили, писали, а мой коммуникатор молчал. Порог был пуст.

Тоскливый вечер выдался. Песок хрустел на зубах – верный знак скорой бури. Небо затянуло ржавой дымкой, солнечная точка ползла к горизонту, за похожие на черных гусениц сцепленные вагончики. Шаттл местного НИИ свернул батареи и кренился в сторону космодрома. Воздушный купол над поселением окрасился лиловым, стал радужной пленкой, готовой лопнуть.

А у дома затормозил потрепанный солнцекор.

Вадим вышел из машины, опустил сумку в пыль и стал озиаться, как зверь на непривычном месте. Смерил взглядом низенький забор, флюгер в виде петуха и пустой ящик, в который мы думали посадить первые устойчивые образцы, когда они появятся. Живые цветы у крыльца, разве это не прекрасно? Куда лучше пластиковых, которыми украшают дома в поселке. Но Вадим смотрел на все это и, кажется, не узнавал. И сам выглядел знакомым и одновременно другим, как в зыбком сне.

Я позвала. Вадим вскинул голову, сощурился, – будто взял меня на прицел. Терпеть больше не было сил. Сбежав по мерзлой дорожке, я скользнула за калитку и обняла его. Крепко обхватила руками, боясь, что он может исчезнуть, как мираж.

Вадим оказался настоящим. Немного другим. Вместо рук бледные протезы: все в разьемах для оружия и невесть чего еще, пальцы неестественно длинные, с выпуклыми шарнирами-суставами. Лицо жесткое, выдубленное солнечным излучением, тело сухое и жилистое. И шрамы... Бугристые черви на скулах и шее, в вырезе утепленной рубашки. Мне тут же захотелось коснуться, стереть их пальцами.

– Господи, это ты, это и правда ты! – Я зарылась лицом в ворот его куртки, пряча слезы. Она терпко пахла мужским телом, машинным маслом и металлом. Как давно я не слышала этот запах... Даже мурашки сбежали по спине.

Вадим взял меня за плечи и отстранился.

– Давно не виделась, – сказал и как-то странно, криво усмехнулся, не размыкая губ. Снова возникло ощущение нереальности. Раньше Вадим не усмехался. Раньше он улыбался, широко и открыто.

Флюгер-петух провернулся с долгим скрежетом. Вадим проследил за ним, как кошка за мышью.

– Это что? – спросил.

– Нравится? – Я была так довольна, что он заметил. – Совсем как на старых земных домах.

Вадим едва заметно скривился. Протянул руку, содрал петуха с крепления и бросил в песок.

– Некрасиво, – коротко пояснил он, закинул сумку на плечо и двинулся по дорожке, когда-то выложенной им самим. Ссутулившись, размашисто чеканил шаг. Ноги ставил широко, как делают все пилоты.

Этой походки у него тоже не было.

Дом у нас небольшой. Вагончик, какие выдали всем бездетным поселенцам, разделенный занавеской на зону кухни, которую я приспособила под лабораторию, и жилую часть со сросшимися в тесноте кроватью, столом и двумя стульями. В стену встроен телевизор.

Я нажала кнопку термопота, сдернула со спинки стула забытый лифчик и быстро сунула его в ящик с бельем. Села за стол. Вадим уселся напротив и неловко ухватил еще пустую кружку, покрутил в биометаллических пальцах. Казалось, ее он тоже вот-вот сомнет, как смял пластинку флюгера.

– Рассказывай, – попросила я.

– Да нечего рассказывать, – бросил он в ответ.

– Ну как нечего? Где ты был? Что видел?

Я улыбнулась, не зная, что еще можно сказать. Тронула его руку, но Вадим убрал ее под стол. Поморщился и молча увел взгляд к окну.

Поговори со мной, мысленно попросила я. Ну же, поговори со мной. Я столько месяцев просидела в тишине и вязком одиночестве, наедине с очистителями, колбами и ростками. Столько часов, минут, секунд мечтала, что ты вот так вернешься и прижмешь меня к себе. А ты пришел и молчишь, как чужой.

– Землян видел, – сказал Вадим наконец, словно услышал мои мольбы. – Корабль разгерметизировался, они нас подобрали. Месяцев пять в плену провел, только выпустили.

Так вот почему он не мог со мной связаться! Странно, но я почувствовала облегчение. Все оказалось гораздо проще... Или сложнее, если подумать. Но я была рада, что сложилось именно так. Лучше очутиться в плену, чем умереть.

– Они... Они хорошо с тобой обращались?

Вадим дернул уголок рта, глянул на закипающий термопот на кухонном столе.

– Аварийные костюмы есть? Баллоны кислородные? – спросил вдруг. Я даже растерялась от такого вопроса. Причин для беспокойства не было: оксистерия поселения работала исправно, работа купола давно налажена. Установки проверяли каждый день. Последний случай утечки случился во время войны, и только потому, что установку повредили взрывом. Но сейчас же мирное время, сейчас же все закончилось...

– Да, есть.

– Где?

– В ящике на заднем дворе.

– Их дома надо хранить.

Он был прав, по правилам все аварийное оборудование следует держать в вагончике, под рукой. Но тот шкаф понадобился для реагентов и образцов. Ничего же страшного не случилось...

– Хорошо, я переложу.

Вадим снова кивнул, смял губы в жесткую линию. Задумчиво проследил пальцем темный след от шлема. Дважды пропищал термопот, и я кинулась наливать чай и заваривать еду. Руки так тряслись, что я чуть не рассыпала порошок из банки.

Мне кажется, дело в усталости. Конечно, Вадим устал: столько пережил, почти год был вдали от дома, каждый день на грани. Мне нужно понять. Быть мягче. Главное, что он вернулся.

Главное, что он снова рядом.

Чуть позже я потянула его к кровати, опустилась на покрывало. Вадим замер между моих ног, глядя сверху вниз из-под опущенных ресниц. С его лица не сходило настороженное выражение, будто он совсем не знал, что последует дальше, и подозревал что-то недоброе.

Он снял рубашку, затем футболку, обнажил ожоги, пятнавшие грудь. Перевернул меня на живот, лицом в простыни. Стало тяжело дышать. Я попыталась вывернуться, но он не дал,

придавил ладонью макушку. Прикосновение холодных пальцев протеза не было приятным, но я терпела. Не хотела обидеть.

После Вадим сел у окна смотреть на нимб шлюза на вершине купола, на небо с точками звезд и орбитальных станций. Так и не лег спать.

Я тоже не спала, меня ломило от боли. Не так я представляла себе нашу встречу, совсем не так. Может, он на меня обижен? Почему не рад?

Снова воцарилась долгая тишина, такая бывает только на Марсе, – лишь свист ветра и лай собаки у подножия соседнего гребня. На миг показалось, будто я вновь оказалась одна. Будто очоенела, втягиваю последний воздух, оставшийся в вагончике, и скоро погружусь в долгий сон.

Но я не могу винить Вадима. Он – герой Первой Марсианской, улетел на орбиту одним из первых, столько пережил. Он имеет право замыкаться в себе и злиться.

А я выдержу. Сделаю это ради него.

29.05.2216

Дома нашего поселения выстроились у подножия гребня ровными рядами, как шеренги солдат на базе: первая, вторая, третья. Есть дома-вагончики, как у меня, есть постоянные постройки – крепкие, с плоскими крышами и убежищами в подвалах. На улицах людей не видно, лишь изредка промелькнет тень. Тихо, глухо.

Тишина в Патере особенно глубока. В северной Новой Москве, откуда я родом, звучат голоса и смех, часто взлетают корабли, играет музыка, приглушенная гулом установок для синтеза воды и энергоблоков. Жизнь тихонько бурлит, как вода под крышкой. А здесь... Здесь я слышу лишь собственные мысли.

На краю поселения темнеет армированная коробка НИИ: буквой «П», с шаттлом на взлетной площадке. Лет институту немного, нашу группу назначили в Патеру за два года до войны. Только и успели, что взять образцы и наладить работу купола, как половину наших призвали. Вообще филиалы исследовательского института есть в каждом поселении, в конце концов, мы же исследователи. Мы, марсиане. Цель каждого из нас – каждого поселения, будь оно русским, иранским или японским, – исследовать, сделать Марс пригодным для жизни. Наши родители, первый поток колонистов, хотели создать мир, свободный от политики, мир науки.

Если бы они только знали, что человеческая природа останется прежней даже вдали от перенаселенной жаркой Земли.

Если бы они видели нас, придавленных, искалеченных войной, и все эти передачи из Главного штаба Аркадии. Военных, с английской непробиваемой уверенностью вещавших с экранов про независимость и спасение марсианских ресурсов. Они бы сразу заметили, поняли, к чему все идет.

А мы не замечали. Забыли, что каждый второй приписан к МВКС и проходил курс боевой подготовки. Глупость, конечно. В итоге Земля бомбила всех: и военных, и исследователей. Наши мужчины и женщины замерзали в открытом космосе, сыпались из подбитых кораблей, как биокорм из банки. Наши города горели, разлетались радиоактивной пылью.

Отсюда, из Патеры, война казалась далекой и ужасной, как документальный фильм о Земле. Иногда, в особо пыльные дни, подача электричества прерывалась, и я боялась, что, кроме нашего поселения, на планете ничего не осталось. Что все занесло песком. Что Вадим не найдет нас, когда вернется с орбиты, потеряет в рисунке марсианского пейзажа.

Сейчас, когда пишу, тишина вновь наваливается, вязко обволакивает, заполняет легкие, отчего тяжело дышать и ладони потеют. Сердце сбивается, хочется кричать, бежать... Помогает только прикосновение к Вадиму. Сейчас я могу это сделать без страха – он спит, закутавшись в одеяло, точно в кокон. Спит спокойно: глаза мечутся под веками, одна рука

что-то сжимает под подушкой, быть может, пистолет. Но все-таки он красив, несмотря на шрамы и злое, жесткое выражение лица.

Самый близкий человек.

Мой якорь в песках Патеры.

Теперь он не зовет меня по имени. Он вообще меня не зовет. Почти не разговаривает, мало ест, несколько раз в день проверяет средства первой помощи. Выходит из дома редко, чаще сидит в кресле – может, из-за болей в спине или общего изможденного состояния. В эти моменты он покидает меня. Взгляд устремляется вдаль. Не на лабораторный корабль с парусами-батареями, которые блестят, отражая солнечные лучи, не на гребни Патеры, а куда-то в космическую тьму, где погибли его товарищи.

Может, он ждет возвращения земных кораблей? Или что за ним прилетят. Спустится военный транспортер, выжигая дюзами круги на песке, откроется шлюз, выйдут парни в скафандрах и снова увезут его на базу.

Иногда он хмурится, что-то ищет в планшете. Иногда я слышу удар кулака о стол – значит, Интернет снова пропал. Связь с земной сеткой оборвалась еще в начале войны, а марсианская работает так себе и только когда есть электричество. И что такого срочного в том планшете? От вопросов Вадим отмахивается, сам ни о чем не рассказывает. Не знаю, что мне делать.

У многих такое, сказала Елена Николавна из пункта медпомощи. Всему виной посттравматический синдром, усугубленный нейроимплантами, которые встраивают для усиления рефлексов и управления кораблем. То ли что-то с ними происходит в невесомости, то ли они изначально с браком – кто знает, как их собирают корейские поселенцы из Маринер? Многих солдат мучают мигрени, перепады настроения, приступы агрессии. У некоторых прошло, сказала она. Заметны улучшения. Исследования показали. Заменить? Нет, его не заменить, он уже сросся с тканями, слишком велик риск повредить мозг.

Это мало утешило. Я вообще не хотела идти в ее будку с забеленными иллюминаторами – первый год в Патере отмечалась там каждую неделю, наблюдалась с астмой и нарушениями сна. И хочу сказать, что психолог из Елены Николавны так себе. Потому скупость ее ответов меня совсем не удивила. С командованием русского отделения МВКС меня не соединяют, просят отправить заявку на почту. Я отправила, отправляю каждый день, но ответа нет.

Никто на Марсе не в силах нам помочь – не в силах или попросту не заинтересован. Я тоже не могу найти выход и ненавижу себя за это.

Вадиму все хуже.

Я постепенно забываю, каким он был раньше.

07.05.2216

Сегодня я дежурила. Дождалась, пока солнце выглянет из-за горизонта и снаружи станет теплее, и нехотя влезла в скафандр. У шлюза снова накатил тревога: беспричинная и жадная, как черная дыра. Я старалась дышать глубоко, до шума в наушниках, но это не помогло. Энергоблоки купола вибрировали, песок медленно сползал с их корпусов, осыпался с хромированных боков. Тестер подмигивал зеленым, и данные на экране были в пределах нормы, а я не могла успокоиться. Все время чудилось, что кто-то стоит на гребне и тяжело смотрит в затылок. В наушниках слышалось хриплое бормотание.

Конечно, когда я оборачивалась, рваная кромка дюны пустовала. Над ней лимонно желтое рассветное небо. Ноги вязли в песке, периметр поселения казался бесконечным, а воздух из баллона – слишком жидким. Сколько раз я проделывала этот путь? Сколько раз он приходил ко мне во снах: равнина дыбится и смыкается над моей головой, а я бегу, и ноги вязнут, проваливаются по колено. Иногда из-за горизонта выстреливают черные галочки истребителей, и поселение расцветает яркой вспышкой. Радиоактивная пыль смешивается с песком.

Детские страхи. Я должна с ними справиться.

После обхода я занималась ростками пшеницы. Они уже подвяли, не топорщились зеленой щеткой, но я добавила новую подкормку в песок в контейнерах. Думаю, она должна помочь. Почва Патеры отличается от Северного полушария, где смогли вырастить морозостойкие сады, нам приходится начинать с нуля. К тому же пыль лезет везде. Устилает красноватым налетом посуду, набивается в воздушные фильтры, ежемесячно выводя их из строя. Скапливается на образцах, из-за чего те погибают. Новый мир вытесняет нас, как может. Мы сопротивляемся. Непрерывная борьба, что же окажется сильнее – марсианская природа или наше упорство?

Я, как ученый, ставлю на упорство. Должен быть способ выращивать растения в местном грунте. Определенно должен быть, мы в НИИ значительно продвинулись в разработке. Еще полгода, и у нас будут свои овощи и фрукты. Смогли же в Объединенной Европе, значит, сможем и мы. Любую ситуацию, даже самую ужасную, можно изменить к лучшему. Главное, сохранять холодную голову и следовать плану.

Об этом я напоминаю себе, когда общаюсь с Вадимом.

– Пообедаем? – спросила я, не отвлекаясь от работы. – Мне последний образец остался.

Вадим, как всегда, не ответил.

Высадив последний саженец, я поставила пульверизатор и потянулась за термокрышкой от контейнера. Та выскользнула из пальцев, чуть прокатилась по столу и громко упала на пол. Тут же загрохотало из жилой зоны. Занавеска отдернулась, и на меня нацелилось дуло пистолета. Я оцепенела, забыла, как дышать. Только и могла, что смотреть в черную точку, из которой вот-вот вылетит пуля.

– Потихе можешь? – проворчал Вадим, поняв наконец, в чем дело, и неторопливо убрал пистолет в кобуру. Я выдохнула от облегчения. На один краткий миг подумала, что он выстрелит, такое дикое у него было лицо.

– Конечно. – Подняв крышку, я обработала ее антисептиком. Пистолет так и притягивал мой взгляд. – Извини.

Вадим не ответил. Нас снова разделили тишина и занавеска.

Теперь я стараюсь вести себя тише. Крадусь по дому на цыпочках, оглядываюсь. Проверяю, не мешаю ли.

Чуть позже, когда Вадим ушел в ванную, я заглянула в его планшет. На рабочем столе были открыты несколько окон. Первое – статья под названием «Правила поведения при ядерном ударе с орбиты». В других перечень погибших, марсианские зоны отчуждения, что делать с мигренями, влияние резкой разгерметизации корабля на организм.

Как же сильно Вадим боится! Его мысли заняты пережитым ужасом. Его тело – напоминание войны и плена, источник боли. Как тут вернуться к прежней жизни?

Надеюсь, когда-нибудь мы сможем это сделать.

12.06.2216

Странно, но сейчас мне очень легко писать об этом, хотя всего час назад я думала, что покончу с собой.

Теперь мне спокойно.

Теперь у меня есть план.

Все началось с новостной передачи. Показывали повторное открытие шахт, землян на их фоне, ленточки, флаги, цитаты из новых соглашений по экспорту. Затем репортаж с годовщины поселения городка на юге, какие-то мексиканские пляски. После тональность изменилась. Пестрые костюмы уступили подтянутому ведущему в военной форме, а на фоне за его спиной показали что-то темное, растекшееся и размытое цензурой.

Я не сразу поняла, что вижу человеческие останки.

«Найдены тела мужчины, женщины и двоих несовершеннолетних...» – сказал ведущий. Я покачала головой. Убийство. Неужели кому-то на Марсе не хватило войны?

Вадим тоже следил за репортажем. Его изможденное лицо не выражало эмоций.

«...Следствие полагает, что убийство совершено хозяином дома, Рикардо Бовио, капитаном Пятдесят Первой дивизии МВКС в отставке. Он выстрелил в жену и детей из строительного расщепителя, после убил себя. Незадолго до происшествия у него диагностировали хроническую депрессию и...».

Я выключила телевизор. Еще несколько мгновений Вадим продолжал смотреть в пустой экран, затем опустил взгляд. Пальцы заскользили по планшету. Вновь ускользнул в Сеть. Смотреть на это не осталось сил.

– Как думаешь, сможешь выйти на работу в конце лета? – Я не хотела давить, но прозвучало все равно натянуто. – Ты же герой войны, тебе с радостью предоставят место в НИИ. Нам требуются техники, грузчики...

Колкий взгляд Вадима приковал меня к месту.

– Я что, похож на грузчика?

В таком состоянии и правда не походил. Лишь бы не подумал, что я над ним издеваюсь. Просто... Просто марсианин должен работать, это в нашей крови. Выживает лишь то поселение, где все трудятся на благо общего дела. Особенно если речь идет об отдаленном поселении вроде нашего.

– Это же для начала, – я постаралась исправить положение. – Потом мы найдем что-то другое. Может, переедем. Ты бы хотел переехать? Куда-нибудь на север, а? Было бы здорово.

Я предложила еще много чего – вывалила все, о чем думала последние дни. Вадим внимательно меня выслушал.

– А смысл? – ответил в итоге и почесал след от шлема. Эта длинная полоса от уха до кадыка, давняя мозоль, не давала ему покоя. Вадим все время трогал ее, словно она зудела.

– Смысл в том, чтобы жить дальше. Все ведь закончилось. Мы заключили мир, теперь пора быт налаживать. – Я попыталась улыбнуться, но улыбка упорно бежала с лица. – Помнишь, мы детей хотели? Дом построить...

Вадим неувловимо изменился. Теперь он походил на взведенное ружье.

Он вскочил, грохнув стулом, придвинулся в два шага. Ухватил меня за горло, так сильно, словно не было месяцев в невесомости и плену.

– Ты что, не понимаешь?! – проорал.

Я закричала в ответ:

– Больно! Отпусти! – Стукнула его по руке, но он не отпускал. Металлические пальцы сжались, перед глазами поплыли круги. За кругами блестели оскаленные зубы.

– Не окончено ничего! Не прекратят они! Опять прилетят, через год или два. Бомбить будут, слышишь? Бомбить! Не остановятся, пока не сделают все по-своему. Ты видела, как из людей мясо делают?

Я зажмурилась, помотала головой. Нет, конечно нет, откуда мне видеть такое?

– А я видел! – Вадим все орал, будто хотел докричаться. Сжимал пальцы сильнее, казалось, кожа на шее вот-вот лопнет. – Я! Видел! Ты здесь детей растить собралась? Чтобы их взрывали? Чтобы перестреляли?

Он толкнул меня к стене, и я крепко ударилась затылком.

– Вадим, пожалуйста... – прошептала, но он не слышал. Он вообще находился не здесь, не со мной: злые глаза блуждали, не видя. Крылья носа подрагивали.

– Как они со мной обращались, ты меня спрашиваешь... – Он усмехнулся. – Знаешь, как они пытаются? Сначала одно g, потом добавляют еще одно, и еще, пока тебя по полу не размазывает, пока под себя не сходишь. Кожа с костей слезает. Вот такие они, союзники с Земли. Вот такие они.

Он отпустил так неожиданно, что я села на пол. Ноги не держали. Его блестящий кулак у моего носа сжимался и разжимался. Вадим думал, ударить меня или нет. Я не видела его лица, боялась поднять голову, но знала – это так. Сейчас, если попробую пошевелиться или что-то сказать, он ударит, достаточно намека на повод.

Вадим отшатнулся, качнувшись, будто враз растерял все силы. Провел рукой по взмокшему лицу, упал обратно в кресло и затих. Я бросилась прочь, втиснулась в ванную и задвинула дверь. Ослепшая от слез, крутанула кран. Тот подался с ржавым писком, но вода не пошла. Опять перебои.

Без сил, я опустила крышку унитаза и уперлась лбом в податливую стенку душевой кабины. Шею саднило. Было холодно, ветер глухо бормотал за фильтром вентиляции, и в этом бормотании чудились слова, какая-то древняя марсианская брань.

Я чувствовала себя жалкой.

Я не знала, что делать. Куда бежать, когда на сотни километров вокруг лишь пески?

Когда я вышла, Вадим уже спал, раскинувшись на кровати. Планшет лежал у его руки, красная точка тихо мерцала в углу тонированной пластины. Новое сообщение.

Конечно, я открыла. Я же должна была понять, что происходит с ним, с нами. Переписка велась с каким-то бесполом ником. Фото в чате тоже не было, пустой квадрат, но из сообщения стало понятно, что пишет женщина. Упоминались какие-то общие вылеты, какая-то ночь и «только ты знаешь, каково мне». В более ранних сообщениях Вадим тоже что-то вспоминал. Не меня, обо мне он не упомянул ни разу.

Этого было достаточно. Вернув письмо в «Непрочитанное», а планшет на кровать, я села у окна. Кресло успело промяться, принять форму Вадима. Я не была против этого.

Я против того, что другую форму принял Вадим. Форму, которую из него вылепили война и армия. Которую придала незнакомая мне женщина. Она шлет приветы из другого полушария, как будто его знает.

Ярость поднялась теплой пеной и опала. Ее уже нет сейчас, когда я пишу, глухая тишина привела меня в чувство. Спать совсем не хочется, а в голове стучит лишь одно, крутится на повторе, как сигнал бедствия.

Никто не знает настоящего Вадима.

Никто, кроме меня.

17.06.2216

Обычно «Уснику» используют в опытах над животными. Видимо, кому-то смерть во сне кажется более гуманной. Но в нашей лаборатории животных усыпляют мгновенной заморозкой, а «Уснику» я использую в своих целях – травлю ею свою бессонницу. В небольших дозах она безопасна, обычное седативное, регулирующее выработку меланина. И за время войны в шкафу скопилось количество, которым можно усыпить все поселение.

Зав лабораторией не спросила, зачем мне отгул. Меня даже потянуло начать эту тему самой, пожаловаться на плохое самочувствие, мигрени, новое обострение астмы, вроде как поставить галочку. Но решила не оправдываться. Она же не интересовалась, когда я пришла к ней с синяками на шее. Никто не интересовался, молчали все. Скользят безразличными взглядами, ждут зрелища, чего-нибудь пострашнее. Того, что можно будет обсудить.

Отвратительная черта всех небольших поселений. Но я решила не обращать на них внимания. Решила сосредоточиться на главном.

В чае «Усника» растворилась хорошо, цвет стал чуть гуще, но вкус и запах не изменились. Суррогат чая сам по себе имеет химический привкус, так что разница не была заметна.

Но, пригубив его, Вадим вздернул губу.

– Горячий.

Я ухватила кружку – лишь бы не смахнул со стола – и унеслась за занавеску. Вылила треть, долила холодной воды. Подумав, добавила еще «Усники». Та зашипела, изошла на пузырьки.

– Вот только ты так умеешь: кружка горячая, а чай холодный. – Вадим зло качнул головой, желваки так и ходили по щекам. Я затаила дыхание. Следила за его руками. Ударит?

Не ударил. Выпил часть, затем еще.

– Может, тебе прилечь? – я спросила осторожно. Лениво окинув меня взглядом, Вадим поднялся и направился в сторону кровати. Скинул ботинки, цепляя один за другой, и упал прямо на покрывало.

Через минуту он уже крепко спал.

Я осторожно перевернула его на бок. На шее под линией волос виднелась небольшая пластина. В ней два отверстия, как след змеиного укуса.

Вот он, имплантат. Маленькая сломанная штучка, пластина из биосовместимой стали. Причина нашего несчастья. Мучила Вадима, заставляла делать то, чего он сам никогда бы не сделал.

Кто меня осудит? Я пошла на это ради него. Я знаю, что ему станет легче.

С помощью отвертки я отогнула плинтус и вытащила провод от лампы, перерезанный и зачищенный на пару сантиметров. Все двести двадцать вольт, подготовленные заранее. Лампочку в светильнике я тоже испортила заранее, вдруг Вадим спросит, почему та не работает? Но он не заметил, полдня просидел у окна.

Лишь бы электричество не отключили. На часах не было и пяти, но на станции не соблюдали четкий график.

Я вытащила из нейроимпланта заглушки, сунула в открывшиеся дырочки металлическую скобку. Рука дрожала, провод дрожал вместе с ней, в опасной близости от шеи Вадима. А если я случайно промахнусь? Кольну током? От такого Вадим точно проснется и сразу поймет, что я задумала. Сразу проломит мне голову.

Я отогнала эти мысли и прицелилась.

Раздвоенная лапка провода коснулась скобки.

Долгое мгновение ничего не происходило. Затем Вадим вздрогнул, всем телом выгнулся, сминая простыни. Перекатился на спину и забился в припадке. Глаза метались под приоткрытыми веками, с губы сполз розовый червь пены. Господи, и как я забыла, что он может прикусить язык?! Непростительно!

Я с трудом вытянула провод, кинулась разжимать Вадиму челюсти. Зубы будто склеились, между ними пузырилась кровь, но пульс на шее прощупывался, мелкий-мелкий, как у лабораторных мышей. Жив. Слава богу, жив.

Сокращения мышц постепенно сошли на нет, дыхание выровнялось. Я стерла кровавую пену краем покрывала и погладила Вадима по влажному лбу.

Мой хороший. Мой родной.

Теперь ему станет лучше.

22.07.2216

Почему я не замечала, как прекрасен марсианский рассвет? Когда пыльная муть успокаивается, атмосфера становится прозрачнее. За дымкой вспухает солнце, растекается яичным желтком по краю дюн. Песок с хрустом проминается под ботинками. Чего я боялась? Не помню.

Да это и не важно.

Сегодня я опоздала с регистрацией на полчаса. Когда обошла поселение и вернулась, у шлюза меня уже ждал Иван Федорович со своей командой. Они были очень встревожены, пришлось объяснять им, что у меня все под контролем. Что запас воздуха еще оставался,

в обмороки я не падала и в песках не плутала. Я просто поднималась по склону. Слушала шепот ветра.

Судя по выражению лица, Ивана Федоровича я так и не убедила. Алик тоже заволновался, толкнулся, и я провела ладонью по животу, осторожно, будто перья пригладила.

Хорошо, когда семья растет. Раньше паек выдавали раз в месяц, теперь будут дважды, нас же двое. А когда станет трое, выделят дом побольше, уже в центре поселения. Там много семейных пар с детьми, сыну не придется скучать.

Вадим проснулся к девяти, смог сам подняться и пройти к столу. Добрый знак. Он вообще выглядит гораздо лучше. Поправился, на щеках появился румянец, и воспоминания его больше не мучат – это заметно сразу. Волосы отросли, борода скрыла шрамы. Я подстригаю ее маникюрными ножничками, получается очень аккуратно.

– Доброе утро, милый, – сказала я, и Вадим улыбнулся.

– Есть будешь?

Он кивнул. Я достала миску, вскипятила воды, залила ею биокорм. Подумав, щедро сыпанула сухого молока, которое мне выписали в медпункте, и перемешала. Мужчина в семье должен быть крепким, здоровым. На мужчине нельзя экономить.

Каша получилась густая, вязкая, Вадим едва не потерял в ней ложку. Пришлось ему помочь.

– Вкусно?

Он кивнул, не переставая жевать. Снова улыбнулся, молча и бессмысленно.

Я выглянула в окно. С гребней дюн змеился песок. Петух на калитке со скрипом вращался, почти не останавливаясь, грозил слететь с крепления и винтом подняться к вершине купола. Завтра сниму его, и переберемся в убежище. Но это не беда.

Теперь все будет хорошо.

Тимур Максютлов Имя твое

Док велел все описать с самого начала. Потому что он собирает материалы для исследования. Ему, мол, надо выработать алгоритм: кто из оставшихся на Земле нам сгодится, а на кого и время тратить не стоит. Я не понимаю, чего во мне можно исследовать. Но я привык делать то, что говорят старшие, не особо задумываясь над причинами. И это верно: если подающий патрубков или витки соленоида начнут вникать, зачем и как, – пожалуй, и двигатель заглохнет. А если уж ионы начнут рассуждать о том, с чего вдруг их выбрасывают в вакуум, да еще с такой скоростью, – конец полету.

Я всегда был такой: ел кашу, которую терпеть не мог; стоял справа, проходил слева и вообще соблюдал. Но иногда меня вдруг заносило. Неожиданно для самого себя срывало башню; в такой момент я мог выскочить из окна, пнуть в колено воспитателя или бросить глайдер в вираж, запрещенный инструкциями. И прийти в итоге первым на финиш.

Док намекал, что именно эти всплески и были попытками Истинного прорваться наружу, сквозь толстый слой шлака, который навалила цивилизация. Но я не хочу об этом думать. Лучше уж начну писать, как он велел.

Маму я почти не помню. Какие-то обрывки: теплый запах, теплые руки. Она стоит на коленях и обнимает меня. Мне никогда после не было так уютно и так тревожно. Потому что знал, что это – прощание. Ее плащ с круглым значком на лацкане (черная окружность с точкой по центру на белом фоне) шуршал, будто звал куда-то, торопил.

И она ушла.

Мне было десять, когда я рассказал отцу об этом воспоминании; отец разозлился, горло его набухло готовыми порваться от гнева жилами. Он кричал, брызгая воняющими пепельницей слюнями: мол, я ничего не могу помнить, потому что был безмозглой личинкой; я и сейчас debil, а тогда вообще был еще зародышем, полуфабрикатом. Что это дурь и фантазии: он выяснит, кто меня надоумил ляпнуть этакую чушь, и вырвет провокатору кадык, но прежде выдерет ремнем убудка, столь похожего на чокнутую мамашу. Он начал шарить по поясу под нависшим брюхом, но потом вспомнил, что в трусах; бросился к шкафу, где у него висели брюки, и начал выдирать из петелек ремень, похожий на гладкую желтую змею. Петельки сопротивлялись (они были за меня); брюки, упираясь, сморщились гармошкой. Я не стал дожидаться результата схватки и смылся. Распахнув окно, сиганул в мокрые кусты со второго этажа; здорово отбил пятки, но времени страдать не было.

Убежал за сарай и спрятался в старой железной бочке. Там пахло ржавчиной и плесенью, по мне бегала какая-то многоногая мелочь, от чего кожа пошла пупырышками. Было холодно и мокро; отец, ругаясь, бродил по двору и кричал, чтобы я немедленно вышел, и тогда он меня убьет. Логика в этом требовании не было ни гроша; отец вообще не отличался умом, теперь-то я это понимаю.

Он испробовал разные методы: фальшиво сюсюкал, что уже меня простил и купил шоколадку, а через пять минут по визору будут мультики; но я-то точно знал, что нынче вторник, потому что вчера в школе был урок гражданственности, который по понедельникам, а мультики по вторникам не показывают, ибо постный день.

Так он долго бродил по мокрой траве, ругаясь и умоляя поочередно. Был момент, когда я едва удержался: после того как он пригрозил растоптать модель «Отважного», если я не появлюсь немедленно. Но я стерпел.

Отец ушел, а я торчал в бочке, пока не стемнело. В открытое окно визор орал про мяч на третьей линии: шла трансляция полуфинала.

Я попытался вылезти: ноги затекли и не слушались, замерзшие пальцы срывались с края бочки, и в какой-то момент мне показалась, что вся моя жизнь пройдет в этой железной, смердящей ржавчиной и плесенью тюрьме. Насосавшиеся до отвала комары не могли даже улететь: тяжело дыша от пережора, они пешком сползали с меня и отдыхали на ржавых стенках. Я совсем отчаялся и собрался захныкать; но тут женский ласковый и тревожный голос прошептал:

– Ты сможешь, ты ведь мужчина.

Я выбрался оттуда.

Прокрался в спальню: книжки мои были разбросаны по полу, планшет разбит. Под ногами хрустело. Я присел на корточки, пощупал и понял: это были обломки модели космического фрегата второго ранга «Отважный».

Я ждал выпуски с комплектацией. Прибегал к магазину, когда улицы городка были еще пусты, только роботы-уборщики тихо шуршали по асфальту, и торчал у витрины. Я собирал «Отважного» целый год. Сдавал бутылки и даже подворовывал из отцовского бумажника.

Теперь от фрегата остались только хрустящие, как кости павших, ошметки.

Я не стал плакать.

Визор продолжал орать. Не заглядывая в гостиную, я и так знал, что отец дрыхнет, откинувшись головой на спинку дивана; нашлапка модема на его виске моргает в такт воплям комментатора. Грязная майка едва не лопается на брюхе, две бутылки из-под пива валяются на полу, а третья выпала из его волосатой лапищи на диван и вытекла.

Он всегда брал три бутылки, потому что третья бесплатно.

В кладовке стояла старая канистра с горючим для аварийного генератора. Запах бензина всегда нравился мне; от него почему-то чудился ветер в лицо, пахнувший полынью, и рев мотоциклетного мотора – я не знаю, откуда у меня взялось такое воспоминание. Наверное, из исторического фильма.

Горючее булькало и наполняло дом восхитительным ароматом. Вспыхнуло, лопнуло раскаленным шаром в лицо: я едва успел отскочить, но брови все-таки опалили.

Добежал до кустов, когда завывала сирена и зашипели струи пламегасителя: я забыл про автоматику и не выключил ее.

Сейчас-то я понимаю, что к лучшему, а тогда сильно разозлился на себя. И да, все-таки заплакал. От злости, от осознания, что во второй раз я не решусь.

Потом я бежал по лесной дороге, за деревьями над домом мелькали фары пожарного коптера. Полицейские нашли меня под утро. Странно, но не стали бить и даже ругать; кажется, они сочувствовали мне. Напоили какао из термоса и дали теплую куртку – огромную, пахнущую табаком и ружейным маслом.

Я дремал на заднем сиденье и слышал, как они обсуждают полуфинал. Потом один ругал моего отца:

– Лишат теперь родительских прав раздолбая. Пацану десять, а до сих пор без модема. Небось на пиво-то деньги находит.

– Может, мальчонка из этих, – непонятно сказал второй, – и дело не в деньгах.

– Тогда тем более раздолбай: давно бы сдал пацана куда положено.

Сквозь сон я вспоминал, как в первом классе вежливый дядя с холодными глазами уговаривал меня:

– Потерпи, мальчик. Это не больно.

И начал натягивать мне на голову черную сетку сканнера.

Мне вдруг стало страшно. Сетка была похожа на переплетенных в экстазе змей: как-то я чуть не наступил в весеннем лесу на блестящий, шевелящийся, жуткий клубок. И испугался навсегда.

Я визжал так, что сбежались преподаватели. Они протягивали ко мне руки с удлинёнными вдруг, скрюченными пальцами; я пинался, кусался, катался по полу медицинского кабинета. Падали и разбивались какие-то пробирки, хрустело стекло, орали покусанные мной взрослые, визжал я. Потом они все-таки поймали меня, спеленали, стянув так, что стало трудно дышать.

– Ну что? – прохрипела моя классная.

Холодноглазый тихо ругался, щелкая клавиатурой. Несколько раз поправлял на моей голове присоски. Потом начал бормотать непонятные слова. Я запомнил только «вариант нормы».

Остальным покупали модемы; они ходили гордые, будто эта черная нашивка на виске делала их посвященными в какие-то тайны. Так оно и было: со второго класса я уже многого не понимал из того, что говорят учителя.

– Второй канал, таблица номер три. Все смотрим и читаем вслух.

Одноклассники сидели со стеклянными глазами и уныло бормотали вразнобой:

– Священной обязанностью гражданина является активное и квалифицированное потребление...

Я смотрел на их одинаково напряженные физиономии и тоже открывал рот, повторяя непонятные, какие-то квадратные слова. Так что замордованный учитель нередко забывал про мою особенность.

То, что другие видели с помощью модема, мне приходилось самому разбирать на планшете: там была специальная программа для «детей с особенностями развития». Проще говоря – для дебилов. Меня пытались так назвать пару раз, но быстро отучились: в драку я кидался самозабвенно, не задумываясь о весовых категориях и количестве противников.

А тесты я всегда проходил успешно. Достаточно было сосредоточиться, и рука сама ставила галочку в нужном квадратике.

– Какой холодильник в этом сезоне рекомендован к покупке? Варианты ответов: «Тундра», «Манси», «Таймыр»...

Я забывал содержание контрольной, едва сдав пластиковый листок учителю.

Единственный предмет, в который я вникал, – «факультативные знания». Там и вправду было интересно: про моря и континенты; про то, как складывать цифры самому, без калькулятора; про звезды и галактики; про книги.

Да, не удивляйтесь: у меня дома были книжки. Целлюлозные, тяжелые, с мизерным объемом – по сотне килобайт максимум. Без подсветки! Со стационарными картинками, иногда даже монохромными. Книжки остались от мамы. Отец потихоньку продавал их в музеи, но спрос был никакой. К тому же отец совсем не умел торговаться и не уступал в цене. Благодаря его упрямству и тупости у меня было то, о чем и не мечтали ровесники: древние тома, не входящие ни в список рекомендованных, ни в список запрещенных. О существовании некоторых из них, наверное, забыли даже специалисты по истории и культуре примитивных времен.

Все это я вспоминал в полицейской машине, потом в участке, где пришлось долго ждать какого-то чиновника. Он задавал вопросы: я отвечал невпопад или вообще молчал.

Меня перевозили из одного казенного учреждения в другое: везде – жесткие топчаны, стандартный обед в пластиковых кюветах и решетки на окнах.

Кажется, своим существованием я сбивал с ритма их отлаженную машину. Но мне было плевать: я садился в уголок или сворачивался зародышем на топчане, закрывал глаза и читал книги постранично. Я помнил их всех не хуже, чем свой двор: вот выломанная доска в заборе, вот куст жгучей крапивы, вот семьдесят вторая страница «Занимательной астрономии» с планетарной схемой Солнечной системы.

Меня два раза проверяли врачи. Опять натягивали на голову сетку, сплетенную из толстых черных жгутов: я напрягался, потел от ужаса, но терпел.

Мне все-таки приклеили модем к виску, но я ничего не ощутил, кроме покалывания. Никаких картинок не увидел. Они расстроились, отодрали модем и посетовали, что теперь придется списывать казенное имущество, а это куча бумаг. И смотрели на меня осуждающе, будто я был в чем-то виноват и прямо умолял их об этой нашлапке.

Какое-то время я провел в интернате для «детей с особенностями развития». Там были децпэшники на колясках; доверчивые и ласковые даунята; аутисты, рисовавшие яркие картинки цветными мелками прямо на стенах. Одну художницу звали Асей: у нее были синие глаза, искусанные руки и короткий ежик черных волос. Она создавала гигантское полотно на всю стену рекреации: я часто приходил туда, садился на подоконник и смотрел. Ася не замечала меня. Несколько недель она изображала лучи у солнца: проводила длинную оранжевую линию, отходила от стены и смотрела. Потом стирала луч специальной губкой и рисовала вновь – в десятый раз, в сотый, пока не добивалась идеальной ровности и нужного оттенка. Еще Ася поселила на поляне под солнцем зайцев – целую армию, тысячи. Они прыгали, жевали морковку и обнимались. Симпатичные зайцы с круглыми пузиками и прикрытыми от удовольствия глазами.

Иногда ее накрывало: она вдруг бросала мелок и начинала кусать себя за руку, грызть до крови – наверное, наказывала за плохую работу. И еще подвывала при этом. Однажды я не выдержал, подошел и взял ее за хрупкую кисть, по которой сбегала темная струйка.

– Очень красивые пальцы, – сказал я и поцеловал их. Рука была перемазана мелом и пахла хлоркой. Мы все пахли хлоркой: санитары валили ее в туалеты тоннами.

Ася открыла было рот, чтобы заорать: она терпеть не могла, когда ей мешают. Но почему-то не стала. Опалила меня синей вспышкой взгляда и сказала:

– Отстань, дурак.

Сказала без злости. И даже позволила перебинтовать носовым платком разодранную зубами кожу.

После этого случая я знал: она ждет, когда я приду посмотреть. Даже не обернется на мои шаги, но по ее худой спине, по стриженному затылку видел: ждала. И рада мне.

А среди зайцев появился странный: с крыльями. Летящий к солнцу.

Мы были как неплановые котята: правительству не хватало духу нас утопить и не хватало денег нас содержать; оно постоянно колебалось и мучилось от необходимости выбора, а тем временем еда становилась все хуже, лекарств все меньше, а последние санитары сбегали от нас в дом престарелых по соседству.

Однажды приехала комиссия: монументальные мужчины и тетки со скорбными лицами. Их толстые плечи пытались раздавить колоссальный груз ответственности, но плечи не поддавались.

Комиссия проредила нас вдвое: тех, кто постарше, отправили куда-то. Сережку, безобидного идиота с вечными пузырями слюны на губах, вообще признали здоровым и выгнали: помню, как он растерянно стоял за воротами с рюкзаком, набитым засушенными кленовыми листьями (он их коллекционировал) и пялился на ужасный свободный мир.

Посмотрев мои бумаги, самый толстый закатил глаза и начал орать что-то про халатность и нецелевое расходование бюджетных средств. Тетки заглядывали в бумаги через его плечо и устало кивали залакированными прическами.

За мной приехали на камуфлированном джипе. Ася подошла и сказала:

– Хочешь узнать, как зовут того крылатого зайца?

Я растерялся. За три года я впервые увидел, чтобы она с кем-то сама заговорила. Смог только кивнуть.

– Его зовут Артемом. Как тебя.

Мрачный тип в военной форме подсадил меня в машину. Я оглянулся на ободранное здание интерната и увидел силуэт Аси в окне рекреации.

* * *

Мрачный вывел машину на магистраль, включил автопилот и захрапел, откинувшись на подголовник. Он был настоящий вояка: даже кружок на его виске был цвета хаки.

Мы обгоняли бесконечную колонну тяжелых грузовиков. Она тянулась до горизонта, изорванного зубьями небоскребов далекого города. Длиннющие фуры с рекламой на бортах: туалетная бумага, холодильники, инфрагрили, снова туалетная бумага, замороженные овощи, унитазы, новомодные витаминные смеси и опять туалетная бумага. Я подумал: вот она, истинная картина того, что нужно человечеству. Жрать и делать то, что рифмуется со словом «жрать».

Пересекли широкий пояс свалок: амбре проникало даже сквозь противоатомные фильтры и толстую броню машины. Потом ехали по городским улицам, рыча солярным выхлопом: уродливый джип выглядел древним варваром на фоне нарядных шариков электромобилей. В воздухе свихнувшимися стрекозами носились квадрокоптеры-курьеры с подвешенными коробками, на которых опять – реклама еды и подтирки.

Изредка на бетонных стенах мелькало граффити: какие-то изломанные и скрюченные, будто агонизирующие, надписи; панды, похожие на котов, и коты, похожие на енотов. Я вздрагивал, когда видел знак, который смутно помнил: черная окружность с центром-точкой на белом фоне. Его рисовали бунтовщики, и назывался он то ли Глаз, то ли Зрачок; видимо, это был атавизм древних легенд о масонских символах. За Глаз полагалась каторга на Гани-меде.

Людей почти не было видно. Они сопели в своих железных пеналах стандартных домов: поглощали жиры, белки и углеводы, рекламу и сериалы, сляпанные конвейерным способом. Людям приходилось делать это со всем напряжением сил: ведь автоматические заводы трудились безостановочно, превращая тело и кровь Земли в яркие упаковки, смрад выхлопов и отходы для умопомрачительного размера свалок. Шесть из семи человек работали «экспертами по потреблению». В зависимости от заслуг каждому давалась категория: первая, вторая и так до девятой. Выше категория – больше потребление.

Нормальной работы давно не хватало: и это при том, что профсоюзы успешно боролись с прогрессом. Так что еще существовали санитары, парикмахеры и прочие официанты, десяток которых мог заменить запрещенный на Земле киборг, андроид или иной человекообразный механизм.

Тогда это меня не слишком волновало. Хотя изредка накатывало жуткое видение: я сижу в железной, разящей ржавчиной и плесенью бочке, в которую валится сверху поток жратвы. И если не успею сожрать – захлебнусь.

Из этой бочки не слышно птиц. И не видно звезд.

* * *

Джип проехал на территорию, огороженную высоким ржавым забором; по его верхушке полз клубок змей из перекрученной колючей проволоки. Змеи злились и плевались электрическими искрами.

Меня провели в кабинет и усадили напротив мрачного майора.

– Какой материал, а!

Майор смаковал мои медицинские бумаги: довольно шурился и цокал языком. Будто читал меню в дорогом ресторане.

– До четырнадцати лет мариновать такого красавчика! Сколько времени потеряно, эх. Обычно мы начинаем работать с семилетками. Жаль, жаль. Но лучше поздно, чем никогда, как сказала старая дева, нежно глядя распятие.

Он вдруг заржал, задержал кадыком. Сдернул фуражку и бросил ее на стол.

Мое сердце замерло.

У него НЕ БЫЛО МОДЕМА. Он был такой же ненормальный, как и я.

* * *

Пока я вспоминаю первую встречу с Майором из «Поиска», Док шелестит распечатанными листками моего дневника. Он не любит читать с монитора. Говорит, что чтение подразумевает обязательные тактильные ощущения и даже слуховые. Станный он, чего уж там.

Мы все тут ненормальные.

За его спиной – грандиозная картина полярного сияния. Сиреневые, голубые, фиолетовые сполохи, дети взаимодействия магнитосферы нашего Ганимеда и ионосферной плазмы Юпитера. Завораживающий танец языков холодного огня, облизывающего звезды. Звезды моргают и хихикают от щекотки.

Сам исполин украшает собой горизонт: косые полосы цвета пенки капучино, посыпанной шоколадным порошком, едва заметно дрожат. Я будто слышу рев грандиозных ураганов в небе Юпитера.

Люблю бывать здесь. Внизу скучно: выплавленные в ледяном теле Ганимеда коридоры залиты искусственным светом и облицованы железом. Причудливо переплетенный клубок стальных змей. Конечно, там не пахнет ржавчиной и плесенью. Но мне все равно неудобно.

И оттуда не видно звезд.

– Ну, неплохо, – говорит Док, – надо продолжать. Когда смена?

– Через одиннадцать часов. – Я с трудом отрываю взгляд от темного пятна на юпитерианском боку. Оно похоже на толстого зайца, завалившегося спать.

– Выспись. И найди пару часов на записи.

– Есть, Док. Разрешите идти?

Во мне просыпается лейтенант космофлота. Разворачиваюсь через левое плечо и грохочу магнитными ботинками к двери.

Док спрашивает напоследок:

– Как тебе Лебеди? Не правда ли, чудо?

Я улыбаюсь. Лебеди прекрасны.

* * *

Они говорили, что космофлот – это семья. Смешно. Попробовал бы я забраться на колени к дедушке-адмиралу, чтобы поведать ему свою мечту о звездах.

Флот вполне может позволить отдельные двухместные кубрики. Но нас специально держали в казарме, где десятки кадетов терлись друг о друга аурами. Сутками напролет. Чтобы стесать эти ауры до одинакового состояния. Одноцветного, без углов.

За разговор в строю – трое суток ареста. За неповиновение сержанту – трибунал и каторга на Ганимеде. Жуткие ледяные шахты без шансов выбраться.

Подъем в пять утра под вопли капралов. Пробежка в любую погоду, по снежному месиву или под дождем. Завтрак, сотни жующих в такт челюстей, пластиковые кюветы на железных столах.

Но в какой-то миг ты вдруг ощущаешь это. Когда твое дыхание, твое сердце попадает в унисон с десятком таких же. Когда грохочут берцы вытянутой ровной струной шеренги.

Когда ты можешь не оглядываться, держа на плече тяжелую трубу ракетомета, – напарник зарядит и хлопнет ладонью по твоему шлему: готово.

Если не считать тренировок по рукопашному, всерьез я дрался раза три. Умывальная комната помнила сотни таких стычек. Честных: один на один. Танец по кругу, глаза в глаза. Угадать его удар и выбросить кулак на мгновение раньше. Поймать на болевой, завалившись на мокрый бетонный пол. Что оргазм против адреналиновой бури, против наслаждения победой? Тьфу, мелочь.

Да, так нас приучали любить схватку и любить побеждать. Чтобы в реальном бою грызть врага зубами ради этого ускользающего мгновения триумфа за секунду до смерти.

Несколько раз приходили письма от Аси. Бумажные, в плотных конвертах. Пара строк и рисунки. Иногда только рисунки, вообще без слов: невиданные цветы, переплетенные и изломанные. Расплывающиеся силуэты птиц в облаках золотой пыльцы. Один раз – ее фотография. Старомодная, плоская.

Она очень повзрослела. И похорошела. Синие глаза что-то говорили мне и куда-то звали. Но куда?

Через три года нас разделили: кого в пехоту, кого на штурманский факультет, кого на инженерный.

Меня вызвали к майору. Он посмотрел в мои глаза и улыбнулся.

– Неплохо, Артем. Ты сумел остаться собой. А значит, я не ошибся. Годишься в Поиск.

Про Поиск у нас трепались в курилке. Наверняка врал: никто ничего толком не знал. Дальний космос, древние корабли пришельцев, замаскированные под астероиды. Бред.

Я молчал.

– Неужели тебе не интересно? – удивился майор. – Не хочешь спросить: что за Поиск, почему именно ты?

– Никак нет, господин майор.

Он довольно хмыкнул.

– Правильно. Все узнаешь, когда придет время. Хотя всего не знает никто. Тебя не смущало, что ты единственный в своей кадетской роте без модема?

Я мог сказать, что уже через неделю во Флоте тебе становится плевать на то, какой у соседа акцент и цвет кожи. И есть ли у него нашлепка на виске. Гораздо большее значение имеет надежность плеча того, кто храпит на соседней койке. Но, думаю, майор знал это сам.

– Нам нужны такие, как ты. Мне нужны.

Майор достал из стола древнюю бумажную папку с веревочками-завязками и вложил в нее тощий файл с моим личным делом.

На обложке был значок: черная окружность с точкой по центру на белом фоне. Похожий на схему атома водорода: ядро и орбита одинокого электрона. Такой же, как на плаще моей мамы в день расставания.

Я не сразу переварил это. Поэтому прозевал начало монолога майора.

* * *

...прозевали момент, когда человечество превратилось в копошащийся слой гумуса. Опарыши, гадающие под себя и тут же пожирающие собственное дерьмо. Ученые выродились в механиков по унитазам, поэты – в создателей рекламных слоганов. Страны грызутся между собой за ресурсы, балансируя на грани войны. Космическая программа буксует. Средств не хватает на научные экспедиции – их сжирает потребление.

Но есть Флот. На него денег пока не жалеют. Наши эскадрильи обеспечивают интересы страны в ближнем космосе и на Луне. Флот строит базы на Марсе, охраняя рудники. И Флот отправляет корабли к Меркурию, к Сатурну и дальше – за орбиту Урана. Не все они автома-

тические. Давно принят закон, ограничивающий применение боевых компьютеров: поэтому всегда есть человек, нажавший кнопку. Люди не желают отдавать роботам привилегию убивать себе подобных. Не хотят делить сомнительное удовольствие самоуничтожения ни с кем; поэтому и полицейские до сих пор – живые люди.

Человек с модемом – это, как ни крути, часть компьютера. Пилот Флота с модемом может многое, а если вдруг ошибется, психанет, просто сойдет с ума – компьютер всегда успеет отстранить такого от управления.

Но Поиску нужны другие пилоты. Настоящие. Видящие, чувствующие больше, чем может машина...

Майор продолжал говорить, но я уже потерял нить. Я понял главное – стану пилотом. Увижу звезды.

А остальное не имеет значения.

* * *

Был момент, когда я отчаялся. Никак не получалось пройти на глайдере контрольную трассу – или вылетал за флажки, или не укладывался в норматив по времени.

Парни хлопали меня по плечу и отводили глаза. Они жалели меня, считая, что Флот издевается над убогим: ну как можно было засунуть на пилотский факультет несчастного, не способного коммуницировать через модем? Они бы еще безногого на велосипед посадили, скоты!

Вереницы данных, которые поступали им напрямую в мозг, мне приходилось вылавливать на дисплее или в блистере шлема. Я тупо не успевал, захлебывался. Это было невозможно, как невозможно залить Тихий океан в пакет из-под кефира.

В ту ночь я написал и положил в тумбочку рапорт о переводе меня куда угодно – в землекопы, в инвалидную команду, на мясные консервы.

Спал я плохо. Где-то недалеко бродил отец в грязной майке, скребя волосатое брюхо, и хохотал:

– Ублюдок! Такой же неполноценный урод, как мать.

Я сидел в железной бочке, пахло ржавчиной и плесенью, а сочащиеся мерзкой влагой стенки выросли до неба и закрыли звезды. Под ногами хрустели обломки фрегата «Отважный».

– Артем, вставай.

Дневальный тряс меня за плечо.

– Тебя вызывают. Давай живее.

Я брел по проходу, тер лицо, стряхивая остатки гнусного сна. Казарма храпела, стонала, чмокала губами – как большое животное, уставшее и несчастное.

В дежурке нетерпеливо мигал зеленый глазок вызова. Взял наушник: в нем бродили какие-то вздохи и всхлипы, будто в эфире ворочался сонный кит.

– Курсант Воронов, слушаю вас.

Издали, искаженный и прерывающийся, возник девичий голос – незнакомый и родной одновременно.

– Артео-ом... меня? Слыши...

– Алло! – Я прижал наушник, сердце вдруг заколотилось: – Алло, кто это?

– Ты чего, не узнал? Это я, Ася.

Она что-то говорила про поломанную младшими балбесами сирень – ну, помнишь, белый куст, у столовой? О ремонте в учебном корпусе. О том, что ее оставили в интернате, пока что нянечкой, но вот осенью закончит курсы, получит сертификат, и тогда...

– Погоди!

Я ударил себя по щеке и поморщился – нет, не сон.

– Погоди. Как ты дозвонила? Это же служебная линия, засекреченный коммутатор. Как ты вообще узнала, куда звонить?

Она рассмеялась.

– Просто захотела услышать твой голос, остальное неважно. Мне кажется, тебе это было нужно сегодня. Знаешь, мне надо бежать, там новенькая девочка, трудная. У нее синдром Везира, плачет все время, боится темноты. Ты не обидишься?

– Да. То есть нет. Не обижусь.

– Вот и славно. Помнишь того зайца по имени Артем? Ты еще говорил, что у зайцев тело не приспособлено летать, кости не полые и вообще, никакие крылья не помогут. Я еще сильно на тебя обиделась. Так вот, дело совсем не в крыльях. Понимаешь, просто он очень захотел в небо и поэтому полетел. Бабочка ведь совсем не знает законов аэродинамики, понятия не имеет о подъемной силе. Она просто хочет – и летит. Понимаешь?

Связь прервалась.

Я вышел из дежурки. Дневальный дрых за столом, положив вихрастую голову на руки.

Разбудил его:

– Откуда звонили? Кто соединил?

Он зевнул:

– Ну чего ты орешь, Воронов? Никакого с тобой покоя. Звонили откуда надо. Назвали пароль. Я тебя и поднял.

– Какой пароль? – растерялся я.

– Какой-какой. Такой. Обыкновенный пароль, на текущие сутки. Все, отвали. Спать иди.

Я не заснул, конечно. Под утро встал. Порвал рапорт – тщательно, на мелкие кусочки, и смыл в унитаз.

В кабине глайдера я закрыл глаза, вспоминая ее голос. Потом отключил подачу информации на дисплей.

Я не смотрел на дисплей – я смотрел в небо. Я очень хотел летать.

Мой корабль – не набор железяк и пластика. Мой корабль – мое тело. Бабочка не думает, как ей взмахнуть крыльями, – она просто порхает.

Я прошел трассу. После финиша открыл фонарь и слушал, как чирикают в березняке птицы. Ко мне бежал инструктор с круглыми глазами, размахивая секундомером.

Я показал лучшее на курсе время.

* * *

Не знаю, о чем рассказывать дальше.

Сутки на Меркурии длятся две трети планетарного года, ночная сторона успевает сильно остыть. Когда приходит раскаленный до полутысячи градусов день, линия терминатора взрывает поверхность: все осевшие и замерзшие соли, водяной лед и прочее мгновенно вскипает и испаряется. Там вообще было нелегко. Светило – огромное, на полнеба, – казалось, жгло сквозь многослойную броню. А постоянные бури и цунами солнечной короны убивали датчики и гробили радары, выжигали позитронные мозги бортового компьютера. Тогда, после аварии, я впервые понял, какой это дар – думать своей головой, не завися от электроники. Я проторчал в кресле пилота тридцать часов подряд, не вставая, не отрывая рук от штурвала. Растерянный командир крейсера сам подносил стаканы с водой и забирал бутылки с мочой – у меня, сопливого стажера. Мы выкарабкались. А пальцы еще несколько часов не разгибались; врач массировал их и кормил меня с ложки.

Вахта, кружка дымящегося кофе на пульте; любопытные звезды, заглядывающие в блистер; умиротворенное жужжание двигателя на эконо-режиме: будто пузатый шмель-гурман облетает июньский луг, со вкусом выбирая очередной цветок.

Когда южане рванули заряд у Фобоса и электромагнитный импульс уничтожил всю электронику в радиусе миллиона километров, я эвакуировал персонал научной базы. На древнем шаттле с реактивным двигателем и аналоговым управлением. Четыре посадки и четыре взлета вручную, с диким перегрузом: люди стояли в трюмах впрытык, не в силах пошевелить пальцем.

Говорят, война началась с этого инцидента. Какая разница? Люди всегда найдут повод, чтобы вгрызться соседу в горло. Нахлебаться горячей крови, нажраться свежатины, разрывая мясо скрюченными длинными пальцами.

Конфликт все никак не разгорался: вялые стычки сменялись перемирием, переговоры обрывались на полуслове из-за новых стычек. Мы уже привыкли к постоянной боевой, привыкли спать одетыми, привыкли к смертям. Передатчик в кают-компании работал, не умолкая, сообщая о новых потерях, – так я узнал о гибели рейдера «Урал», на котором пилотом служил мой первый инструктор летного дела. Кок молча налил мне полстакана разведенного, я молча выпил – вот и все поминки. Кок уже устал горевать по поводу безнадежно сломанного ритуала – было непонятно, что ты поглощаешь: ранний завтрак или поздний ужин. Сутки на борту – вообще понятие относительное, а теперь наше время делилось на вахту, подвахту, отдых; причем стоило закрыть глаза, как ревун срывал тебя и нес, еще не проснувшегося, в отсек по боевому расписанию.

Все ждали вступления в строй линкора «Святогор»: он должен был радикально поменять расстановку сил и заставить южных покориться.

Я ведь так и не сдал выпускные экзамены: моя курсантская стажировка все никак не кончалась, затянутая войной. Мы болтались на лунной орбите, когда усталый капитан вызвал меня в рубку и вручил кортик и погоны. К приказу о досрочном присвоении звания лейтенанта была пришпилена записка от майора. Всего два слова: «Думай, выбирая». Черт его знает, что он имел в виду. Ходили смутные и противоречивые слухи про группу «Поиск»: то ли мой майор получил орден за успешное участие в переговорах с южными, то ли, наоборот, взыскание за неуместный пацифизм.

Тогда это и случилось. То, чем все кончилось. И с чего все началось.

* * *

Это был мой второй полет на катере. Распирало меня, конечно, как воздушный шарик: две недели лейтенантом, и уже – командир корабля. Хотя маленького, но боевого, настоящего.

Обычное трехсуточное дежурство пришлось на тот самый инцидент в кратере Браге. Приказ: перехватить десантный транспорт противника и уничтожить. Меня тогда удивила его траектория – со стороны городка шахтеров южных, добывающих «гелий-три» и не воевавших. Но рассуждать было некогда, адреналин захлестывал мозг: бот сопровождали два истребителя, и пришлось попотеть.

Первого я подловил на взлете, легко, а вот со вторым повозился. Пилот там был классный: ушел на снижении и швырнул в меня торпеду из положения, никак не допускающего залп. Я работал на рефlekсах: очнулся от перегрузки, когда катер уже вышел из виража, а одураченная торпеда выработала топливо, и у нее сработал самоподрыв. Южанин несколько раз хлестнул лазером, но броня выдержала, и тут я поймал его. Старая добрая пушка не подвела: килограммовый кусок металла, разогнанный до десяти Махов, хорош тем, что не имеет мозгов и не реагирует на радиолокационные обманки.

Десантный бот огрызнулся огнем и попал: штурман заорал про разгерметизацию; я и сам почувствовал, как катер потянуло в сторону, но успел дать очередь.

Падали мы рядом. Мне было не отвернуть – катер не реагировал на команды. Я едва успел захлопнуть шлем и натянуть аварийный ранец.

Грохнулись так, что потерял сознание. Наверное, на несколько секунд, но этого хватило на видение: оранжевое солнце на стене рекреации вдруг почернело, съежилось до размера пушечного дула и начало стрелять в зайцев, игравших на поляне; снаряды рвали пушистые тела в клочки, а за моей спиной плакала Ася – тихо и горько.

Эта чертова галлюцинация испортила все настроение. Почему-то казалось, что я не победил. А, наоборот, проиграл и погиб в этом бою.

Я не знаю, зачем пошел к рухнувшему «десантнику». Что я хотел там увидеть? Разорванный блистер кабины? Ошметки корпуса?

Я привычно перешел на лунные прыжки. Скакал, как те зайцы из видения, – ломаным зигзагом, будто уклоняясь от выстрелов.

Но стрелять было некому. Погибли все. Вокруг разбитого корабля валялись разорванные тела, казавшиеся маленькими из-за расстояния.

Когда я добрался, тела не стали больше.

Бот южных эвакуировал из поселка самое ценное – детский сад.

* * *

Спасательный баркас прибыл через полчаса. Они уложили в реанимационный пенал штурмана и собрали в мешок то, что осталось от моего бортинженера. Потом по радиомаяку нашли меня.

Этого всего я не помню, читал в материалах следствия. Как я сидел над маленькими телами без скафандров и пел им какую-то детскую песенку. Как отбивался от ребят, требуя немедленно приступить к спасению пассажиров бота. Как они меня все-таки затащили в баркас и вкатили тройную дозу успокоительного.

Я поднялся, когда уже подходили к приемному шлюзу. Раскидал спасателей и сел за штурвал. Развернул баркас, чтобы разогнаться и врезаться в рубку крейсера. Чтобы остановить залп, предназначенный уничтожить шахтерский поселок с тремя тысячами южан.

Вот это я помню. Как увидел, ощутил панику на мостике, услышал ревун тревоги и скрип разворачивающихся в мою сторону лазерных турелей. И почувствовал ужас ожидания смерти сотни парней – моих товарищей, тех, с кем я полгода делил «железо». Которых я выдрал из меркурианского ада.

Я не мог больше убивать.

Я нащупал пылающее сердце реактора и заставил его перестать биться.

Лишенный энергии крейсер уползал за горизонт. Его торпеды уснули и остались в своих уютных гнездах. А я, обессиленный, упал на штурвал и заплакал.

* * *

Бесконечные осторожные допросы. Следователи боялись меня, их страх плавал по камере серыми обрывками. Но я и вправду не мог объяснить, как мне удалось вывести из строя крейсер: я просто не знал этого.

Меня держали в корабельном карцере. Уже потом я услышал: всех, кто остался от разгромленного Поиска, вывезли за орбиту Марса, подальше от Земли и флотских баз. Следователи проговорились: на следующий день после инцидента в кратере Браге мой майор что-то сделал с линкором «Святогор» – тем самым, который был призван разобраться с южанами

раз и навсегда. А из наших разведсводок исчезла вторая флотилия южан – самая сильная. У них был свой «Поиск». Война заглохла сама собой.

Куда делся майор, я не знаю. Но иногда мне кажется, что он не погиб. Я ищу его до сих пор – там, где звезды разговаривают со мной и где нащупывают попутные космические течения золотокрылые Лебеди.

Приговор трибунала мне принесли в камеру: двадцать лет каторги на Ганимеде за государственную измену и уничтожение казенного имущества. Какая разница? Все мои сны были об одном: как зайцы в ужасе разбегаются по солнечной поляне, как взрывы швыряют их, рвут на части. Как я держу на коленях крохотное тельце и глажу ладонью в толстой перчатке покрытое инеем лицо девочки лет трех.

Это было страшнее самой жуткой каторги в истории человечества. Страшнее самой смерти.

* * *

Конвоир бросил мне пару магнитных ботинок. На Ганимеде сила тяжести всемерно меньше земной, и без магниток ходить трудно.

Нас собрали в шлюзе: там я впервые увидел тех, кто был в соседних камерах. Несколько вояк, тощий очкарик с внешностью ученого, подростки-бунтари. Государственные изменники. И все – без модеров.

Потом мы шагали по коридорам перехода. Грохотало железо под ногами. Мутно светило железо над головой. По железным стенкам сползали капли влаги. Смердело ржавчиной и плесенью.

Мне предстояло закончить свою жизнь в ржавой бочке, из которой не видно звезд. Тогда я решил: брошусь на конвоира, пусть стреляет. Лишь бы наверняка – никаких парализаторов, которыми вооружены тюремщики. А у этого мрачного пехотинца был добрый армейский игломет с гарантированным результатом.

Я не успел. Как хорошо, что я не успел.

Мы вдруг остановились, наткаясь друг на друга. Впереди, на освещенной площадке, стоял Док, неуловимо похожий на моего майора. Он улыбнулся всем вместе и каждому по отдельности. И сказал:

– Вот вы и дома, ребята. Конвой свободен, спасибо за помощь.

За его спиной на всю стену была нарисована черная окружность с точкой посередине.

* * *

Когда проект «Поиск» набрал силу, правители Земли завибрировали. Испугались огласки, волнений населения. Странно: какие волнения могут быть у «экспертов по потреблению» различных категорий? Что пиццу с опозданием доставили? Или что на туалетной бумаге недостаточно пупырышков?

Тогда договорились: Поиск перебирается на спутник Юпитера, а Ганимед везде называют каторгой. Это позволяло исключить любопытство непосвященных. Наших такое более чем устраивало: чем дальше от Земли, тем меньше помех.

– Ты умеешь видеть, – говорил мне Док, – но этой силой надо научиться управлять. Нетрудно заглушить атомный реактор. Ты попробуй, наоборот, разжечь огонь ядерного синтеза внутри никчемного комка космической пыли, превратить его в светило.

Док долго возился со мной. Выводил наверх и оставлял наедине с космосом.

Звезды – лучшие товарищи и врачи. Они подмигивали мне и рассказывали о том, что все проходит. И что все можно исправить.

Я был настолько плох, что не обращал внимания на удивительное: Док выходил на поверхность Ганимеда в стареньком, аккуратно заштопанном лабораторном халате. В разреженную атмосферу, почти вакуум. В космический холод около нуля по Кельвину он выходил без скафандра.

Когда-нибудь я тоже так смогу.

* * *

Материя не мертва. Материя хочет осознать: что же она такое? Зачем пришла в этот мир? Мир, который и есть материя.

Это долгий процесс, но Вселенная не торопится: у нее в запасе миллиарды лет. Сначала мизерная ее часть становится живой, потом один из миллионов видов существ становится разумным. Потом один из миллиона разумных становится таким, как я. Мы называем себя Зрячими, на Земле нас называют психами. Это нормально: камни на первобытном океанском дне тоже с безразличным удивлением смотрели на первых одноклеточных. Непрочных, смешных, суеверных.

Потом одноклеточные развились, надели штаны и сложили из этих камней дома и плотины.

В то дежурство я заснул на склоне ледяной гребенки, которыми покрыта поверхность Ганимеда. И увидел это: как я иду по солнечной поляне, касаюсь застывших, скрученных страданием тел, – и они открывают глаза. Подмигивают мне и скачут за морковкой.

– Они не умерли. Просто притворились спящими, – сказала Ася, – потому что испугались тебя. Больше так не делай, хорошо?

Мое дело – космос. Я не занимаюсь Землей. Док говорит, что еще рано, слишком свежа болячка. Но меня все устраивает. Я сажусь под звездами, закрываю глаза и вижу, как выгорает водород в сердце голубого гиганта. Слышу, как одинокий квазар бросает в пустоту крик, полный тоски.

Видю, как загадочные Лебеди, волновая форма разумной жизни, распластывают золотистые крылья, ища попутные течения между галактиками. Лебеди не любят гравитацию – она душит их, связывает полет; поэтому избегают приближаться к звездам. Но когда-нибудь я уговорю их встретиться на нейтральной территории, за поясом Койпера.

Я не все могу объяснить словами. Но когда-нибудь научусь.

Адам давал животным имена. Чтобы дать истинное имя, надо проникнуть в суть, понять, помочь осознанию. Они ждут своих настоящих имен: шаровые скопления и черные дыры, суеверные бозоны и интроверты-нейтрино.

Струны, пронизывающие континуум, ждут своего настройщика.

Мы идем к тебе, Вселенная. Нас больше с каждым оборотом планеты вокруг своей звезды.

* * *

Придется прекратить записи: у нас аврал, Док срочно набирает команду на Землю, берет и меня. Тьфу три раза, чтобы не сглазить: появилась возможность уничтожить войны навсегда, земляне наконец-то идут на переговоры. Заодно Док хочет систематизировать работу по отбору Зрячих. Нам жутко не хватает рук. Вернее, глаз.

Наверное, мне придется возглавить одно из представительств Поиска на Земле. Надеюсь, ненадолго: я буду тосковать по звездам, которые плохо видно сквозь атмосферу. Постараюсь быстро все наладить, чтобы вернуться на Ганимед.

Но первым делом я отыщу Асю.

Людмила и Александр Белаш

Говорящая пыль

Когда вахтовики Марса – не путать с колонистами! – покидают красную планету, они пишут что-нибудь на память. Маркером по обшивке шлюзового коридора. Тут некому стирать граффити, а глаз-камера просматривает коридор только вдоль.

Надпись, подпись, иногда телефон или адрес. Вдруг захочешь пообщаться с тем, кто был здесь раньше. Все марсианские вахтеры, кто вернулся – вроде родни или однополчан.

Занимающие треть стены жирные строки сразу привлекли Руди, он остановился.

«Все проходит, пройдет и это».

«Мы умны, мы сильны, мы смогли! Мы – первая женская вахта» – и сжатый кулак в зеркале Венеры.

«Поздравляю с началом службы. Занимай правую комнату, она теплее. Капуста колонистов – дрянь, фасоль гораздо лучше. На поверхности используй самокат; в ногах правды нет. Помни: лишняя минута наверху – это поглощенная доза. Будь постоянно на связи с напарником, он тебе ближе брата. Коло на помощь не успеют».

«Самое лучшее на Марсе – это сны. Строго храни их в себе и не бойся. Ты не одинок».

«Отпахал от парома до парома, чего и вам желаю!»

– Много полезных советов, – заметил Вит, изучавший стену напротив. – Их бы в регламент работ.

– Я займу комнату справа.

– Там теплее, да?..

Чтобы быстро повернуться, надо соизмерять движение с местными 0,38 g. Вообще каждое движение. Не так тщательно, как на Луне, но все-таки. Недаром при инструктаже твердили: «Ваша походка изменится». А вот шуплый блондинистый Вит здесь шагал легче и красивее. У него даже осанка выправилась. В полете он вслух мечтал: «На Марсе я преобразусь. Буду здоровый, словно рожденный заново».

Сам как марсианин или эльф – головастый, сухонький, глаза большие. Вдруг и колонистку очарует, себе под стать.

– Вот, – любезно указал Вит тонким перстом. – Только здесь сказано «левую». Он избавил нас от жеребьевки по комнатам.

– Ишь, психолог доморощенный... Значит, селимся, как сказано – ты слева, я справа.

В углу листа обшивки Руди с трудом прочел мелко оттиснутое кириллицей – «*Сделано в колонии Рассвет-Россия. 3D-принт. Для жилых помещений Марса*».

Бодрой рекламы на комплексе хватало – колониальная администрация на пару с компанией постарались. «*Новая надежда, новый мир и сознание*», «*Человечество будет вечно!*» и прочее. Воодушевление должно примирить с тем, что ты обречен два земных года жить в норе, питаешься с кухни коло, – мясом из пробирки, вкусными лишайниками и прочей ботвой. И это после перелета в спячке, где ты усох на семь кило и после которого первое время промахивался пальцем в кончик носа.

За тяготы и вредные условия компания платила щедро. Домой вернешься пусть не богачом, но человеком при деньгах.

* * *

Должно быть, Виту комнатенка оказалась в самый раз, а рослому, широкоплечему Руди показалось тесной и низкой, вроде купе в поезде. Правда, была еще кухня, она же столовая и

кают-компания, но регламент быта запрещал там спать. С потолка следила камера. *«Спальные места только в аварийной обстановке!»*

Зато можно украшать комнату на свой вкус. Руди прилепил к стене фотки – я с семьей, я с друзьями, я улетаю на Луну готовиться.

Кто-то из прошлой смены оставил здесь рисунок – портрет девушки. Предельно короткая стрижка, крупные тревожные глаза, миниатюрный носик, по-детски маленький рот, узкий подбородок, длинная шея. Подпись по-немецки: «Она». Должно быть, коло из Рассвет-России. Урожденная марсианка!

«Они в подземелье не отсиживались, в гости ездили, любовь крутили. Ладно, освоимся – и мы съездим. Поглядим, какие тут девчонки уродились, не хрупкие ли».

О внешности марсианок он мог судить лишь по фоткам и передачам коло-ТВ. Но сейчас видеоника так наловчилась – что угодно в 3D слепят, вплоть до пор на коже. Личные впечатления куда надежней. Вот парня-коло Руди уже видел – тот привез его и Вита на рудничный комплекс. Колесный танк, крыша-броня, а водитель – хлипак вроде тушканчика.

Кальций, кальций! Всегда помни – жалкие 0,38 г каждый миг вымывают кальций из твоих костей. А тебе еще работать до следующего «стартового окна». При сближении планет придет паром, чтобы забрать домой вахтовиков и драгоценную добычу.

Разложить багаж в рундук и стенной шкаф – дело минутное. Далее регламент требует пометить свою дверь. Табличка готова заранее – *«Рудигер ван Лиль. Техник-наладчик»*. Рядом наклеил плакатик с псалмом 23, отпечатанным в виде креста.

Напарник успел раньше, на его двери уже красовалось – *«Вит Корсак. Химик-лаборант»*. И символ его веры – треугольная призма, разлагающая белый свет в спектр, а под ней знак бесконечности, горизонтальная восьмерка.

Ньюэйджер, надо же.

«Ничего, притремся».

Начиналась та самая новая жизнь, обещанная лозунгами. Над головой – прочный свод жилья-убежища, толстый слой грунта. Затем чахлая безжизненная атмосфера, а в небесах над красным миром – Фобос, Деймос и паром, постепенно сгужающий вниз технику, кислород и топливо. Он медленно плыл в вышине, как кит в светло-желтом море. На каменных равнинах порой вздувались облака рыжей пыли – к парому из колоний стартовали лифтовые корабли.

Одно хорошо – здесь нет начальства. Накладно содержать на Марсе живых менеджеров, которые дышат, пьют, едят, а взамен лишь руководят. Поэтому их держат на Земле – ораву бюрократов, впятеро превосходящую числом колонистов и вахтовиков. По расчетам, Вит и Руди должны были кормить десяток управленцев с семьями. Поневоле себя зауважешь.

«Остаток вашего личного времени – 47 минут 20 секунд. Следите за указателем регламента. Первая задача – проверка жизнеобеспечения. Вторая задача – проверка энергоснабжения. Ваша жизнь напрямую зависит от исправности этих систем».

* * *

В основном Марс населен роботами. Аккумуляторные, реакторные, с генераторами Тесла или на изотопных элементах, автономные и дистанционные – они ползают повсюду, вяло и безостановочно. Им все равно – пыльная буря или солнечное протонное событие. Когда коло и вахтеры дружно прячутся вглубь под землю, чтобы пересидеть поток протонов, неживые существа продолжают свое дело. Разве что связь забарахлит, но они и без нее проживут.

Со времен первых марсоходов роботы стали прочнее и «умнее», однако обойтись без человека еще не могли. На долю Руди досталась команда этих композитных монстров, занятых добычей и первичной обработкой импонита. Время от времени приходилось выходить наружу, набирать поглощенную дозу.

Пневмокостюм с ранцем и шлемом здесь весил немного, но всякий раз – правда, раз от раза все слабее, – в шлюзе его давило ожидание встречи с Марсом.

В жилье была иллюзия Земли – интерьеры, одежда, разговоры с Витом, возня с готовкой, музыка и видео, занятия на тренажерах, – а за герметичной дверью наваждение мгновенно рушилось. Стоило замелькать цифрам на манометре, как нервы и мышцы поневоле напрягались. *«Давление выровнено»*. Впереди ржавая пустыня, усеянная камнями.

Почти полная тишина, слышно лишь песочное шуршание в наушниках. Пепельно-желтое или черное в колючих звездах небо. Днем пейзаж походил на родной вельд без зелени, зато ночью – как долина смертной тени. Вдали дрожит пыльное облачко – робот вгрызается в грунт. В стороне – гряда хребтового отвала. Устроился в самокате, отжал рычаг – время пошло, включился счетчик дозы.

Впрочем, контракт учитывал риск облучения. Для Руди больший, чем для Вита – химик редко покидал подземное жилье. У него свои надбавки за вредность – он волей-неволей вдыхал испарения пульпы в камере, где обогащалась порода. Или они всасывались в кожу. Парень немного поблек, но выглядел воодушевленно. Похоже, работа его заводила.

А в комнате спорта он, покачавшись, как культурист, делал замеры бицепсов и мышц бедра! Будто поверил, что его болезнь осталась на Земле. На пятом месяце – по здешнему календарю – стал говорить, что руки-ноги утолщаются. Заметно было мало, однако про себя Руди признал – напарник изменялся к лучшему. Порой аж сиял.

– Хочешь увидеть, ради чего мы надрываемся? – предложил однажды Вит после ужина.

– Я смотрел фильм в учебке. Микрорекристаллы.

– Это кино, иллюзион, а тут все по-настоящему. Живой материал. Выделено при тебе, можешь сам пошевелить кристалл манипулятором.

В его лабораторию Руди не хаживал. Каждый знает свою работу, зачем лезть в чужую? А вот предложение потрогать те песчинки, ради которых земные дельцы раскошались на регулярные полеты к Марсу, звучало заманчиво.

– Идем.

Среди своих технопримочек Вит царил и порхал, словно нет у него никакой атрофии. В минуту изготовил препарат, подвел под объектив, настроил оптику и жестом пригласил Руди к экрану. Пришлось приспособиться к сенсорным перчаткам, чтобы щупики манипуляторов двигались точь-в-точь по твоему желанию.

Перед ним в вязком растворе лежали черные с металлическим блеском объемные фигуры, похожие на ограненные ювелиром камни.

– Это и есть импонит?

– Скорее то, что содержится в нем. – Вит рад был поделиться. – Включения в породе.

– И почему за штуку?

– До отсева их оценивают оптом, в долях карата. Сухим веществом, конечно. В производство берут треть процента кристаллов, но игра стоит свеч, даже если возить взвесь декалитрами. Скажем так, десять литров окупят все, что я тут съем и надышу за вахту. Еще один дал – страховки, а третий дал – зарплату. Так что от добычи твоих «грызунов» зависит, сколько мы получим. Ну, и от моих обогатителей тоже.

– Жаль, что их нет на Земле, – оторвался Руди от экрана, где переливались кристаллики. – Не пришлось бы летать в чертову даль, под лучи подставляться.

– Есть, но очень мало. Крохи. Слышал про «марсианские метеориты»?

– Где-то что-то. Я технарь, не астроном. Учился по лунной программе, пока не появилась вакансия. Метеориты с Марса? шутишь?

Вит присел на край лабораторного стола:

– Первая космическая скорость здесь заметно меньше. При косом ударе астероида взрывной материал может покинуть сферу притяжения планеты, уйти в пространство. Потом осколки попадают в область земной гравитации и – готово.

– Долго же они летали.

– Миллионы лет. А имп-частицы в них выявили недавно. Даже не выявили, а поняли, на что они годятся. Тут-то настоящий марсианский бум и начался.

– Вот слушаю тебя – и теряю веру в прогресс, – шутливо сказал Руди, вынув руки из перчаток. – Где наномонтаж, которым нам все уши прожужжали? Уже бацилл приручили – связи в процессорах прокладывать, и чуть не мозг человеческий на 3D-принтере собрали, а такую мелочь сделать не можем. Гробим тут здоровье из-за черного песка...

– Мы и алмазы штамповать умеем, – парировал Вит, – только дрянные и мелкие, а большой и чистый – ну никак! Да что там алмазы!.. Попроси ученых сделать на принтере живую бактерию или плодовую мушку. Вот тебе наши возможности. Так что импы – прорывной шанс на выход силой, без раскачки и рывков. Откроются такие перспективы, что воображенья не хватает!.. Вплоть до единого сознания. Но без добытчиков, без нас с тобой – это мираж. Мы на переднем крае, понимаешь? Может, еще немного – и замкнем кольцо гармонии. Мир без насилия, без войн, где каждый чувствует каждого словно себя...

Красиво он мечтал!.. Руди же мыслил прозаичней:

– Надо спешить с добычей. Когда научатся штамповать импы, мы перестанем быть нужны, а рудники свернут. Еще, глядишь, предложат у коло остаться, чтобы не тратиться на перевозку.

Но Вита перспектива не пугала.

– Тоже вариант. Колонистов тысячи, теплицы расширяются, воздуха и воды хватает. Я бы мог заняться грунтом, это нужная профессия.

Что поделывать – овладела белорусом тяга к звездам, и Земли ему не надо. У славян душа всегда ищет высшего, иного царства. Или сингулярности – пойми их.

– Завтра придет Аэлита. – Руди дружески подмигнул ему. – На здешнем фоне она прямо крепышка, верно?

Тот улыбнулся так, словно сказал: «Отвяжись».

Вообще коло из сферы СССР – Священный Союз Славянских Республик, коалиция что надо, – всячески продвигали имя из старинной книжки. Фильм с тем же названием и его сиквелы многих смутили записаться на улет. Должно быть, предохранитель срывало само звучание, неприкрыто означавшее «элита». Вы там, на Земле, прозябаете, а мы строим новый мир, почти царство небесное – чтобы взглянуть на нас, надо задрать голову...

– Сегодня обработка от микробов, – напомнил Вит. Как химик, он ведал дезинфекцией и раз в неделю, надев респиратор, по очереди опрыскивал помещения смесью перекиси водорода и невидимых глазу абсорбирующих гранул. Потом он вентиляцией продувал комнаты, пока Руди прятался от его пульверизатора там, где уже очищено. И все равно после обработки нет-нет да нападал чих.

Сколько их тут множится в закрытом комплексе, всяких бактерий – кишечные палочки, дифтероиды, стафилококки, тьфу!..

А в уме Руди вертелось другое словечко – имп.

* * *

Когда Фолькштат отделился от чернокожей ЮАР, туда перебежали и все упертые проповедники с суровыми воззрениями. Правда, миновал тот век, когда они потрясали сердца африканеров, но свою лепту в сознание Рудигера ван Лиля все же внесли.

Среди инноваций, которые клеймили на воскресных проповедях, имп-технология числилась в первой десятке хит-парада.

Казалось, что такого – кристаллик, идеально годный на роль процессора, хоть для персональных устройств, хоть для микрочипов, хоть в навигационный комп паррома. К тому же дорогой и редкий, не всем по карману.

Но толкователи смыслов враз нашли, к чему придраться, – imp, то есть бесенок! И никаким Interface Message Processor из истории сетей их не разубедишь. Отыскивали массу соответствий – де, в латыни «импонит» значило «налагать», у французов – «навязывать»... Навязанное наложение – и как бы не клейма! Чьего? Ясно, чьего!

Стало быть, если тебе дорога душа, имп-устройства не для тебя.

Само собой, не для тебя, Руди. Самое скромное из них стоит как авто премиум-класса в заказном исполнении, а которые сложнее – до цены гиперзвукового стратоплана. Вывезти тайком щепотку импов ему даже в голову не приходило. У буров вор – отщепенец, изгой, которому на выбор предлагают – каторга или высылка в ЮАР.

Но хотя будущих вахтеров проверяют полиграфом и отсеивают велик, здесь Руди чувствовал плотную пошаговую слежку. Весь производственный цикл, начиная с обогащения пульпы, под визуальным контролем. Может, люди на Земле не отрываются от мониторов, смена за сменой глядят, как Вит и Руди ходят по жилым отсекам. Такое реалити-шоу – со скуки завоюешь...

А так ли просто приезжают коло из Рассвет-России?.. Формально – да, привозят производитель пульпы, прочие расходные. Что, если они заодно присматривают за рудничными, выясняют настроения и после пишут рапорты в компанию? Славянская душа – загадка: наполовину – звездная мечта, а другая половина – сумрак и спецслужбы...

На родине не так. В Европе и Америке – кругом надзор и все на подозрении. Дома Руди привык к доброму соседству и недолюбливал глядящие из углов глаз-камеры.

«Но с чего бы, – размышлял он перед сном, – коло стали на компанию работать?.. Деньгами их не купишь – у них коммунизм, все свое или привозное-дармовое. Их впрок содержат, для светлого будущего, чтобы было куда с Земли драть. За принцип стараются?.. Э, нет, у коло принципы свои, и лучше мне разобраться в них до возвращения».

В ту ночь, когда он пытался понять, чего ради люди на Марс навсегда улетаю, ему и приснился этот странный сон.

* * *

Даже не сон, а голос.

Была сплошная чернота, а в ней звучали слова.

– Если ты слышишь меня, я очень рада. Значит, не зря я сижу здесь и говорю в пустоту. Интересно, кто ты?.. Наверно, я схожу с ума. Вокруг так привычно, так обычно, словно ничего не происходит, но все уже будто покрыто тенью – люди, деревья, дома... Даже небо. Глупо делать вид, что наши дела в порядке. Хотя многие притворяются. Или верят утешениям властей. Но повсюду эти приметы... Надо плотно одеваться, защищать кожу. У самых нежных цветов сгорают листья. Сколько нам осталось жить? Говорят, лет сорок, пятьдесят, а потом станет трудно дышать. Это значит, до старости видеть,

как гибнет мир. Если только обломки не упадут раньше... Как быть, не знаю. А вдруг тебя не будет и я общаюсь ни с кем?.. Пожалуйста, будь. Выслушай меня. Я так боюсь остаться одна...

Голос прервался, и в наступившей тишине до Руди донесся далекий, долгий свист, иногда звучавший прерывисто, как сигнал об опасности. Потом какой-то шум и неясные крики, словно за окном по улице в панике бегут люди. На этом звуки оборвались.

С пробуждением память о ночном голосе осталась – ясная, четкая, хотя обычно сны ему запоминались плохо. Заученно выполняя бытовой регламент – одевание, санузел, прием прогноза погоды и сводки о работах, – Руди хмурился, пытаясь вытеснить из мыслей горький осадок, оставленный тоскливым женским голосом.

«Откуда это?.. Излучение нам, что ли, потолки пробило?.. Вроде о корональных выбросах не сообщали – значит, не протонка. Что за чушь такая?»

В столовую спешить не стоило – по графику сегодня стряпал Вит. Оставалось время сесть на койку и помолиться, чтобы тягостное впечатление от сна ушло.

Напарник в таких случаях советовал проделать пару упражнений цигун или помедитировать, глядя на призму *Пинк Флойд* и мандалу Юнга. Но Руди предпочитал проверенный дедовский метод: «Если предкам помогало, то и мне поможет». А восьмерка с призмой куда еще заведут – охнуть не успеешь, как в астрал уйдешь.

– ...Ибо все вы – сыны света и сыны дня: мы – ни сыны ночи, ни тьмы, – шептал он, переплетая пальцы и склоняя голову. – Итак, не будем спать, как и прочие, но будем бодрствовать и трезвиться...

В этот миг ему и явилось открытие:

«Да ведь она говорила на африкаанс! As jy my kan hoor, ek is baie gelukkig... Как там?..»

Сразу, словно в ответ, в голове его отчетливо раздалось:

– *Если ты слышишь меня, я очень рада. Значит, не зря я сижу здесь и говорю в пустоту.*

Внезапный ужас охватил Руди, и у него невольно вырвалось:

– Стоп, хватит!..

Голос умолк, но еще с минуту Руди сидел, боясь пошевелиться и едва дыша, чтобы слова вновь не зазвучали внутри черепа.

«Плохи дела. Только полгода продержался – и готов. Спишут с комплекса в больницу коло...»

Камера следит. Нельзя показывать, что ты охвачен паникой. Ни словом, ни жестом, ни мимикой.

Для пробы осторожно сделал вслепую пальценосовую пробу – нормально.

Казалось, организм в порядке. В глазах не двоится. Крыс, чертей и тараканов в комнате не видно. Новых голосов – ну, скажем, чтоб подстрекали выйти без скафандра или совершить какое-то безумство, – не отмечается. Вообще мысли больше об упущенной выгоде – кто ж станет платить сошедшему с ума? И сердце колотится.

«Стоит кому-то рассказать – немедленно приедут медики с Рассвет-России. И плакали мои денежки. Глядишь, еще должен останусь... В суде доказывать придется, чтобы неустойку не платить. Значит, молчать. Держать в себе, так?»

Перед глазами, будто строка поиска, явились и угасли призрачные буквы:

«Самое лучшее на Марсе – это сны. Строго храни их в себе и не бойся. Ты не одинок».

«О господи. Откуда это?.. А, из коридора. Почему?..»

– Черт подери! – вставая, раздраженно выругался он сквозь зубы, так и не кончив молитвы.

«Я – моя голова – ведет себя как проклятый компьютер! Запрос – ответ!.. Если написано «Храни в себе» – значит, такое здесь уже случилось? С кем? Какой адрес там был?.. Что-то чужим алфавитом...»

«ВС, градот Скопје, Илија Попов, техничар», – возникла подсказка.

«Спасибо, больной мозг. Теперь переведи ВС».

«Велика Србија. Groot Serwië. Великая Сербия».

«Значит, я это знал. Читал или видел когда-то, мельком, не запомнил, но оно осталось в памяти... Но почему? Что со мной происходит?.. Илья Попов, техник. Город Скопье. Где-то на Балканах. Только бы высидеть здесь полтора года и долететь до Земли... Я должен найти этого парня, расспросить. Ну-ка, милая, еще раз – *Если ты слышишь*».

– *Если ты слышишь меня, я очень рада. Значит, не зря я сижу здесь...*

«Стоп». – Руди решил отдавать команды только мысленно, чтобы мониторинг ничего не заподозрил.

К завтраку он вышел замкнутый и напряженный, но внешне старался держаться непри-
нужденно. И Вит вел себя как обычно. Ни косых взглядов, ни особо пристального внимания. Парень ждал приезда Аэлиты и без умолку говорил о своем. Де, после заправки пульпы в центрифуги у него будет сол – марсианские сутки – безделья, а это подходящий случай съездить в Рассвет-Россию и с большого узла связи задать пару подробных вопросов земным химикам-технологам.

– Вообще там есть с кем поболтать. Так гораздо лучше, чем по телекому. До единства разумов нам далеко, пока будем общаться по старинке...

Руди согласно кивал, поддакивал, работал ложкой и прихлебывал кофе из бурых лишайников, а в голове вертелось колесо мыслей.

«Я компьютер. Типа киборга. Ложился спать как человек, послушал ночью чьи-то жалобы про апокалипсис, а утром – оп! Проснулся знаменитым. Только к свиньям эту знаменитость. Едва открою рот признаться, тотчас попаду в оборот. И не угадать с налета, кто мной займется. Илья смолчал – уехал без проблем. Или с проблемами? Надо разведать, в Скопье он или уже опочил с царями и советниками земли... Уже за то спасибо, что предупредил. А он ли первый так попал?.. Коло и приезжие на Марсе роются полвека с лишком – что, неужели других не накрыло?.. Как разобраться?»

Текучка мыслям не помеха – он проверил режим на руднике, сменил фильтры вентсистемы, свел отчет за прошлый сол по работам, одновременно пытаясь понять перемену в себе и чем она грозит. Все-таки инженерный колледж хорошо ставит мышление – в целом Руди продумал план, как действовать с минимальным риском разоблачения. Осталось выяснить, применял ли это кто-нибудь раньше, и успешно ли.

Связь. Сигнал идет по подземному кабелю в Рассвет-Россию, там кодируется и ждет коммуникационного окна. Антенна колонии – спутник – Земля. Все сеансы должны отмечаться в отчете, поскольку стоят энергии, денег и работы оборудования. Записи прошлых вахт стерты – Руди проверил, – но вдруг сохранились у коло?

Пока Вит запускал центрифуги, лил в них свою ядовитую жижу и отлаживал процесс, прошло часа три.

Здесь и раздался сигнал телекома, оповещающая о том, что Аэлита на подходе.

* * *

Что ни говори, Марс на людей повлиял. С тех пор как тут стали рождать, появилась новая генерация как доказательство того, что на землянах эволюция не закончилась. Правда, при этом мускульной силы у мужчин убавилось, зато прибавилось изящества у женщин.

Тонкокостные и грациозные, с большущими глазами диких серн, они ходили плывущей походкой, пленяя кряжистых земных парней загадочными взглядами. По крайней мере, так их подавало коло-ТВ в новостях и клипах. Короткие стрижки – в шлемах излишни пышные прически, – облегающие комбинезоны, шорты и топы, мягкая обувь балетного типа, здоровая худоба и слегка детские черты лица. Им подражали – но где взять на Земле необходимые 0,38 g?..

Пока Аэлита выбиралась из кабины грузового краулера, она почти ничем не отличалась от вахтовиков. Гости-коло редки, вежливость велит встречать их у порога, да и рулить разгрузкой лучше в режиме визуального контроля.

Разница появилась в бытовом шлюзе, когда она сняла скафандр. Действительно, тело – само совершенство. А вот личико осталось скрыто респиратором.

– Аэли, что-то не так? У нас чисто, Вит вчера все обработал...

– Знаю. Но в Рассвете такой порядок. Мы готовы делиться едой, информацией, но не вирусами.

«Мы»; у них всегда «мы» на первом месте. Как они там уединяются, личное время проводят?.. В другой раз Руди представил бы бар в Рассвет-России. Должен же быть у людей бар, верно? Место для танцев, для уюта, чтобы почувствовать себя просторно и легко.

Но на ум пришла церковь. Эта точно есть, ее ТВ регулярно показывает. «*Служение в 225.000.000 километров от Земли!*» И ведь нашелся гривастый чудак с бородой – лететь сюда, терять кальций из костей, тощать при низкой гравитации, но учить себе приемников из юных марсиан... Одного Руди показали – бойкий малый в черном и с крестом, он же инженер по ТБ, агроном и младший медик. Там все с пакетом разнородных навыков, иначе не выжить.

Почему-то этот парень с бороденкой вспомнился ему при встрече с Аэлитой.

У них исповедь. Устаревший обычай сейчас показался Руди правильным. Должен быть кто-то, кому можно наедине вывалить груз накопившихся проблем и попросить совета. Опять же, в идеале поп – коллектор личной информации без слива на сторону. Тайна – значит тайна. К нему можно обратиться как к базе данных – если были прецеденты одержимости мозга компьютером, ему есть с чем сравнить твой случай, подсказать решение. Таки не врач, личную карту не заведет.

«Надеюсь, святой отец не ждет окна для связи, чтобы отправить рапорт в КГБ, – или что там у них?.. Нет, это потом. Сперва записи прежних сеансов».

– Склад заполнен воздухом, можно пройти туда. Осмотрим тару вместе. Вит, как у нас с обедом для гостей?

– О, сейчас! Я догоню вас позже.

На складе царил холод. В экономной полутьме шуршали и глухо журчали моторами роботы. Клацали захваты, подхватывая бочки с растворителем, чтобы поднять их на стеллажи.

– Номера семь, восемь, девять – заполнить третий ряд, второй ярус, – приказал Руди. Механизмы поспешили скрыться из виду. Их видеокамерам он тоже не доверял, а других на складе нет.

Общаться с Аэлитой было трудновато, через автопереводчик, – она говорила по-русски, а он ее язык понимал плохо. Приходилось изъясняться коротко и просто, чтобы исключить малейшие ошибки. Накопитель текущего опыта Руди заранее извлек микромонтажной иглой, а то мало ли, что он куда передает. Схему замкнул напрямую.

– Я хочу спросить – на вашей станции межпланетной связи есть архив? За прошлые годы – три, пять, шесть лет?

– Что вас интересует? – мило блеснули ее оленьи глаза.

– Запросы техников на Землю. От новой смены – прежней. Чисто рабочие вопросы. Я полагаю, кто-то обращался к опыту предыдущих работников... Инженерные проблемы, не химия. Для Вита это не интересно.

– Я могу посмотреть. Перешлю по кабелю. Завтра – вас устроит?

– Впол... ап-чхи! – Руди отвернулся, прикрыв рот и нос ладонью. – Извините. Это аэрозоль, дезинфекция – всегда после нее чихаю. Вы тоже опрыскиваете свою колонию?

– Нет. У нас другие средства. – Аэлита смотрела на него внимательно, чуть сузив веки. – Вы хотите получить все тексты сообщений с рудника на Землю?..

– Только от техников. Узнать, кто может дать совет. По-братски, как свой. Было уже много вахт...

– Девять. Ваша – десятая на этом руднике.

– Вы их считаете?

– Просто привыкла знать все, что происходит рядом. Здесь не так много событий.

«Знать... Что знать?» – на миг задумался Руди.

Изнутри пришла подсказка:

«Аэли, что-то не так? У нас чисто, Вит вчера все обработал...»

«Знаю».

«Откуда она знает наш регламент? Зачем это ей?»

– Вы... Почему вы в респираторе? – выдохнул Руди.

– Избегаю гранул абсорбента. Они входят в вашу стандартную процедуру.

– Это... Вит сообщил вам?

– Я здесь! – крикнул химик издали, от складской двери. – Я иду!

– Подумайте, – очень тихо ответила Аэлита, приблизившись. – Вы не одиноки.

«Ты не одинок» – прибавил Илья Попов с Балкан, из дальней дали в двести миллионов километров.

Когда Вит подошел к ним, оба молчали, Руди казался озадаченным. Химику почудилось, что без него верзила из Фолькштата пытался наладить с марсианкой отношения.

* * *

Где она прятала детектор пыли? как читала результаты?.. По слухам, коло при рождении ставят на роговицы биопленчатые мониторы, у них бесконтактная связь с внешними устройствами. В столовой Аэлита личико открыла, но ноздри все равно были закрыты как бы паутиными мембранами, слегка шевелившимися на вдох-выдох.

Они угощали ее, но вся еда была от коло. Лишь молока колония не поставляла. Водить коров на Марс и содержать их здесь – слишком накладно.

– Вит, вы прекрасно готовите, – улыбалась она химику, а тот – сама любезность! – цвел от похвал девушки.

– Когда мы приедем в Рассвет, отведите меня к поварам. Ваши кухни-комбайны мощнее, опций у них больше – покажу, как настроить на зразы и драники.

«Медленно едим. – Руди искоса поглядывал на оживленного напарника, пытаясь внушить ему мысль о скорейшем отъезде. – Тебе час катить с ней вдвоем, только ты и она – представь, как здорово, а? Ну, меньше болтай, жуй скорее. Сол перевалил за полдень, ветер усилился, пыль поднимается – надо спешить!»

Насилу вытолкнул пару из шлюза! Даже проводил, помахал вслед рукой – ну все, точно укатили. Впереди сол одиночества – именно то, что ему нужно.

Оставшись наедине с собой и своими страхами, Руди ощутил тяжесть и пустоту на душе. Тающий вдалеке пыльный шлейф от краулера выглядел как прощальный привет – двое

веселых людей удалялись, занятые вечной игрой, а он стоял на пороге, между подземельем и пустыней, рассчитывая действия на сегодня.

Намек Аэлиты дал ему посыл, но путь не обозначил.

Впереди расстиралось безлюдье, рыже-серая равнина праха и камней. Лишь на близком горизонте высились зубцы гор, подчеркнутые резкими тенями. Реяли в вышине блеклые облака-пленки. Где-то там, в горных расселинах, скрытая от сжигающего ультрафиолета, медленно росла тонкая накипь грязно-лиловых лишайников, посеянных коло, – будущая биосфера сынов света, сынов дня. Если марсианам повезет однажды раскрутить динамо-машину в жидком ядре планеты, если вернется магнитное поле и прикроет Марс от солнечного ветра, если, если...

Уже не марсиане – ареане. Самоназвание. Словечко мелькает там-сям, приживается мало-помалу. Есть в нем некая арийская заносчивость, гордыня, но ее марсианам прощают за их подвиг самоотвержения.

Они верят, что ядро проснется. Бурят шахты и скважины, строят направленные вниз сверхмощные антенны. Вроде тех систем, что стимулируют мозги сквозь череп.

При мысли о черепе Руди машинально потрогал шлем.

«Это внутри меня. Со мной. Надо было решиться, до бессонницы учиться, с родней спорить, улететь черт-те куда, чтобы тут проснуться с посадкой в башке... На Земле все было нормально... А может, на Марсе нет Бога? Один супостат Его. Красное бесплодие и бездыханный воздух, сушь и прокаленный грунт. Вдруг нам запрещено соваться сюда?.. Мало ли, что русские привезли попу и крест поставили... Принесли себя в жертву виртуальному будущему – и никакой замены агнцем, все в онлайн, в режиме реального времени... Но они сделали это. Даже тень у своих ног отрезали, чтобы не возвращаться. Что здесь можно обрести взамен?..»

Подавленный, вернулся он сквозь шлюз в жилую часть.

Настало время тайных дел.

Причем так, чтобы глаз-камеры и те, кто пишет жизнь вахтовиков, ничего не заподозрили.

«Возможно ли?»

«Да», – ответил голос, до сих пор молчавший. В самом деле, откуда ему знать, есть ли Бог на Марсе?

«Достать использованные фильтры. Правильно?»

«Да».

«Взять из них кусочки для микроскопии, верно?»

«Да».

«Э, дружок, да ты кое на что годишься!.. Может, когда-нибудь подружимся?»

Молчание. Некорректный вопрос.

«Проникнуть в лабораторию. Как?»

«Протокол отключения камер в неиспользуемых помещениях. По регламенту при отсутствии химика...»

«Стоп. Ты подсказываешь то, что я и сам знаю. Ты тот внутренний голос, которого порой так не хватает людям, да?.. Молчи. Отключение, запись в отчете – «Производился ремонт Сети».

«Плановая профилактика».

«Точно, дружок. Все в рамках регламента. А помню ли я, как делается препарат, как включают и настраивают микроскоп?»

Подавленность и пустота отхлынули. Боже, благослови те молекулы, которые в мозгу записывают память! Да, отдельное спасибо за то, что большая часть увиденного как бы забывается. Так вот, ребята, оно всегда с нами, в архиве. Просто мы не умеем это произвольно

извлекать. Нужен гипноз, сыворотка правды, транскраниальная стимуляция, чтобы ленивые молекулы зашевелились и выдали на-гора скрытую инфу.

Манипуляции у Руди заняли больше времени, чем у Вита. Пусть он не наблюдал всю процедуру поэтапно, но догадкой технаря верно домыслил недостающие звенья и подключил манипуляторы. Да и внутренний дружок способствовал.

В поле зрения, среди рыхлых громад-волокон и уродливых пылинок ясно виднелись знакомые ему фигуры импов – блестяще-черные, граненые.

«Теперь – замести следы. Стереть отпечатки, все прибрать, поставить на места».

Кое-что встало на места и в голове. Например, требование компании складировать и возвращать на Землю фильтры. Мы-де заботимся о чистоте Марса, экология, девственная природа, нашим потомкам тут жить, будут яблони цвести и бла-бла-бла.

«Еще бы их не возвращать. Да вы ж удивитесь от жадности, если хоть один кристалл мимо ваших рук пройдет... Но Вит! Каков приятель, а? Ну, только вернись с Рассвета, немочь белобрысая...»

* * *

К приезду химика Руди детально продумал разговор с ним тет-а-тет.

Вне надзора глаз-камер – санузел, склады и ангар для роботов. Прижать Вита в туалете – это ненадолго, а пропажа обоих вахтовиков из обзора в жилой зоне подозрительна. Зато совместный визит на склад оправдан регламентом.

– Надо сходить вдвоем. Ты должен посмотреть на бочки, часть из них странно выглядит, а моим паукам еще с ними работать.

– Мы чего-то не заметили при выгрузке? – встревожился тот.

– Это надо видеть. Идем. Надень теплый комбинезон.

Роботов Руди приглашать не стал. Слишком глазастые.

Там, за стеллажами, он Вита и прижал. Сразу обозначилось, кто сильный от природы, а кто лечится в спорткомнате.

– Вот что, напарник, пора говорить правду. Плохо так жить, когда один от другого таит что-то важное. Расскажи-ка, на кого работаешь, какие ставишь на мне опыты. Марс – уютное местечко для незаконных экспериментов, да? Запираешь человека на два года в погреб – и твори с ним что угодно. Ни расследований, ни тебе массмедиа, все шито-крыто лояльностью к компании... Можешь промолчать, дело твое. Но помни – вся инженерия на мне, и если с тобой случится что-то техногенное, тебя спишут по графе «форс-мажор». Я буду скорбеть и напишу отчет. Ты понял?

Вит так сглотнул, что кадык двинулся вверх-вниз, будто затвор. После посещения колонии он стал бойким, держался приподнято, но тут сразу поблек и сник.

– Что... что с тобой случилось?

– Ничего. Но я нашел следы, которые указывают на тебя. А что должно было случиться? Какого ты результата ждал?.. Потом бы сообщил заказчикам на Землю – в рапорте, кодовым словом. Или бы в обход меня связался с ними из колонии. Как видишь, не на того напал. Придется выложить, что ты задумал.

– Значит, случилось... – Когда ручища Руди разжалась, Вит ополз на корточки и глядел снизу вверх. – Без этого – к чему допрос?

– Без чего?.. Учти, вся твоя почта будет на контроле. А когда соберешься к Аэлите, я маякну связистам-коло. Намекну, что ты не одной добычей импов занимаешься.

– Выбери что-нибудь одно. Или убить, или выдать.

– Есть что выдавать?

– Какие следы ты нашел?

– Импы в воздухе после дезинфекции. Сколько тебе обещали за это?
– ...но сначала заметил в себе изменения... Давно?
– Сегодня вопросы задаю я. Кто? Что? Какой аванс?
– Нисколько. Я доброволец. Плата – возможность дышать ими. На Земле они слишком дороги. Погляди на меня. Я был обречен, моя атрофия не лечится. А тут все пошло вспять. И у тебя что-то добавилось. Не бойся этого. Ты не одинок...
– Так, так, – присел и Руди напротив него. – Какая ж фирма этим занимается?
– Не знаю. Мне предложили ньюэйджеры. Такой шанс выпадает не всем...
Жалобно улынувшись, он произнес, почти продекламировал

А призма стоит как прежде,
на солнце, на моем столе,
по сути – та же пирамида на долларе,
в Египте, в Мексике, на Марсе...
и глаз, смотрящий во тьме¹

«Проклятые сектанты!»
– Значит, это ваша братия подсадку бесенят придумала...
– Импы – не наши. Они остались от марсиан. От прежних, настоящих.
– Хватит меня дурить. Ничего и никого тут не было. Миллионы лет планета голая, как лысый череп. Если и жил кто – ничто не могло уцелеть...

Вит хихикнул:

– Чем меньше частица, тем прочнее к нагрузкам. Ниже пяти нанометров гранулы механически неразрушимы, и миллионы лет им – ничто. Да, от самих марсиан ничего не осталось, но... Считается, что незадолго до гибели они разработали универсальный интерфейс. Совместимый со всем. Импы – его пыль, обломки нанофазного материала. В ней крохи их мудрости, вообще разные записи.

– Бред... – Руди поднялся, пытаясь осознать услышанное. – Марсиане – и мы!.. Что общего? Их импы не должны к нам липнуть. Разная природа.

– А про единство жизни ты слышал? Может, мы с ними в чем-то родня. В любом случае сродство с импами есть. Они, если исправны, интегрируются в мозг. Вот через этот доступ. – Вит потрогал свой нос. – Там обонятельные нервы, прямой путь.

«Нью Эйдж так придет, как тать ночью... – подумалось Руди. – Наверно, правы были наши бородатые начетчики. И что мне, экзорцизмом заниматься? Магнитным резонансом пыль из головы выуживать?..»

– Теперь мы – братья, – с надеждой всматривался в него Вит. – Оба наделены особым знанием...

– Ага, братья. Каин и Авель. Я просил об этом? разрешал?.. Ты был болен, я здоров; теперь наоборот. Надо благодарить тебя, что ли? А мне хочется сделать совсем другое.

– Мы стали лучше, вошли в цикл вечной жизни. Вместе на шаг впереди всех, ближе к единому сознанию Вселенной. Можем обращаться к существам другой эпохи, а значит, смерти нет...

– Знаешь, свою методичку озвучивай тем, к кому будешь на Земле ходить. Может, кто согласится нюхнуть праха здешних покойников и поболтать с ними. А с меня хватит, уже насладился. И еще просьба – с недельку воздержись докапываться до меня с братскими чувствами, ладно?.. Иначе я за себя не ручаюсь.

Он отправился в жилую часть, оставив Вита размышлять на складе.

¹ Стихи Константина ЧеКА.

Там же, как стряхнутый с ладони сор, осталась злость. Что толку ее пестовать? Все уже произошло.

И химик с атрофией, как на крючок пойманный проповедниками новой эры, и отчаявшаяся марсианка, пылью чьего персонального устройства Руди надышался, – все это больше печалило, чем злило. Оба они, разделенные вечностью, были жертвами и вызывали сострадание. Даже Вит...

«Жаль, что не могу ей позвонить – в ее время. Утешить как-нибудь. А что бы я сказал?.. Детка, не плачь. Ты не одинока. Мы придем. Видишь голубую звездочку? Сейчас мы бегаем там в виде сурикатов, уворачиваясь от лап ящеров, но мы себя еще покажем. Построим ядерно-электрические движки мегаваттного класса, прилетим сюда и вспомним тебя. Твоя живая частичка будет со мной, во мне. Алло?»

«Кто это?.. Кто говорит? – настороженно, недоуменно отозвалось изнутри. – Я не вижу входных данных. Кто вы?»

От ее слов Руди чуть о порожек не споткнулся.

«О нет, только не это!»

«Я тебе сколько раз говорила – не входи, когда я закрыта!»

«Ох, пронесло... Стоп! Похоже, архив звуковых сообщений. Мудрость головастых марсиан? а все личные мессаги незамужней барышни – желаете?.. Миллионы лет прошли, а отношения как были, так и остались сложными... Надеюсь, Вит, тебе досталась база данных по их бухгалтерии».

Глаз-камеры запечатлели его лицо, закодировали, переслали в колонию. Дальше сигнал ушел на Землю, а там 3D-анализ мимики на имп-компе дал вывод: «Улыбка. Эмоциональное состояние – радость. Ближайший прогноз настроения – позитивный».

* * *

Ровный суточный ритм на экваторе, отсутствие времен года и монотонный регламент сделали свое дело – Руди не заметил, как истек контрактный срок.

Настал сол собираться домой. Еще минус семь кило, потом полгода медицинской реабилитации – как инвалиду! – с постепенным нарастанием нагрузок. Ходьба в экзоскелете, а уже потом визиты, большие покупки и свадьба.

Укладывая личные вещи, он осознал, что будет скучать по красной планете. Вжился, привык. Даже родная полупустыня Кару теперь станет напоминать ему Марс – тот, который в будущем, с надежным магнитным полем, атмосферой и чахлой растительностью. Или это уже было, в прошлом...

Кроме родных и близких, его ждал Илья Попов. Они списались – чисто по техническим вопросам, разумеется. Надо продолжать знакомство. Бывшие марсианские вахтеры – спаянная команда, знающая, что к чему.

– Те, кто улетает с русскими паромы, – все прибывают без проблем, – твердо заверила Аэлита. – Мы следим, чтобы им никто не досаждал. Нам нужны на Земле свои люди.

– Как внедренные агенты?

– Мы называем их друзьями. Только их – кто жил, видел и понял. Тех, на кого можно положиться.

– Ты точно решил, что останешься? – повернулся Руди к Виту.

– Мы решили, – любимым словом коло подчеркнул химик, взяв Аэлиту за руку. По тому, как эти двое переглянулись, у них царило полное согласие. – Здесь я в безопасности.

– Но ты много заработал, а на Марсе деньги ни к чему.

– Половину отпишу родне, другую – Институту неврологии, пусть учатся лечить людей вроде меня. А я полезней тут, чем там. Если уж строить новый век, то на передовой. Без инструкций из старого мира.

– Ладно, попробуем вам обеспечить крепкий тыл.

Снаружи ждал краулер. Руди дал влюбленным вместе готовить его к рейсу, а сам задержался в коридоре шлюза. Для надписи выбрал ярко-красный маркер.

Десятая смена завершена успешно. Коло – отличные люди, дружи с ними. Попробуй полюбить планету. Ее сны – чудо для тебя, и только для тебя. Она станет родной, ты памятью соединишься с ней, как все мы.

И ниже прибавил, словно завершил молитву –

Это наш мир. Аминь.

Ярослав Веров Оранжевое небо

Дельтаплан скользил в оранжевом сумраке. Скользил вдоль русла пересохшей Ангарки, покрытого толстым слоем *киселя* с торчащими из него массивными округлыми валунами, обкатанными за тысячи, а то и миллионы лет. Зима. Пройдет каких-нибудь три года, начнется сезон дождей, Ангарка вспенится, и по руслу помчит неудержимый поток, вздымая высокие фонтаны над прибрежными утесами, наполняя собой необъятный зев Байкала. Но это через три года, а сейчас – туман, валуны и кисель. Молочные реки, кисельные берега, любила говорить мать. Как в сказке. Мы в сказке, сынок, говорила она и иногда напевала, он помнит.

*Где-то там, далеко-далеко,
За сплетенными в цепь кольцами горизонтов,
Есть земля, что течет медом и молоком...*

Пусть сказка, Егор никогда не возражал старшим. Молочные реки, кисельные берега. Ха! Однако всякая сказка рано или поздно становится былью.

Редкие сполохи в небе превратились в сплошное мерцание, а отдельные раскаты – в негромкий, далекий, но грозный гул. Там, наверху, бушевала гроза. И это не очень хорошо. Гроза – значит снег. Манна, еще одно словечко старших. Снег у них – манна небесная, Егор и тут не против. Манна так манна.

Справа по курсу, в призрачном мерцании электрических сполохов, отсвечивал своими пиками хребет Ермака – изъеденный эрозией, рваный. Прекрасный.

Вот снег сейчас совсем не нужен. Облепит крыло, воткнешься в сугроб. Ежели повезет и сразу не башкой об валун, станешь ждать, когда сядут батареи термака. Или закончится воздух. Что так, что так – окочуришься и помощи не дождешься. Передатчик, может, и мощный, до Базы, может, и достанет, так Батюшка бушует, магнитная буря у него, и продлится суток трое. В аккурат и окочуришься. Нет, не для того дело затевали...

Егор снял руку с трапеции, похлопал по нагрудному карману. Вот она, горошина. А вон наконец и устье, и блестит впереди, окутанная оранжевым туманом, отсвечивающим багровым отблеском грозы, свинцовая поверхность озера. Ткнул пальцем в пульт. Запели электродвигатели, раскручивая кормовые пропеллеры. С легким шелестом складывались сегменты крыла, уменьшая размах, вернее, увеличивая стреловидность аппарата, походившего на летящую задом наперед сбрендившую с ума бабочку. Загудел в лепестках крыла, засветел в снастях набирающий силу встречный поток.

Подняться метров на пятьсот – радары Базы не засекут, Батюшка славно лютует, да и друг Олег кое-какие меры принял, не хватятся. Повыше надо, потому как поймать пузырь над поверхностью – это сейчас никак не нужно. Это никогда не нужно, а сейчас – ну вот совсем ни к чему. Оно, конечно, зима, пузыри, случаем, выбрасывает нечасто, но не то чтобы совсем не.

Что ж, на скоростомере – двести пятьдесят км/ч, высота пятьсот – значит ждите, буржуины, в гости минут через сорок. И-эх! Что может быть лучше полета над морем? Только полет в космосе. Но это – когда-нибудь потом. Ревет ветер, потрескивают снасти, мерцает небо, и багровые отблески падают на туман, и скорость, скорость... Незванный гость хуже татарина? Гнать раскаленным веником? Или как там... каленой метлой? Посмотрим! И-эх!

Егор невольно сморгнул. А затем сморгнул еще раз. Он уже сбросил скорость, картинка за лицевым щитком, даром что тот оптикоусиленный, вызвала смутное беспокойство. Что-то не так. Ну не мог же он облететь по кругу и доблестно возвращаться домой? Нет, не мог. А значит, чужая База зеркалит нашу один в один. Ничего себе, подарочек. Да вон на берегу купола станции деазотирования, вон сепараторы. Чуть в глубине – куб жилого корпуса, вон электролизная, вон тянутся длинными рядами производственные сектора. А вот и энерго-станция – сильно на заднем плане, тоже врезана наполовину в ледяной утес и тоже по виду – плутониевая. И тоководы небось тоже сверхпроводящие. Это что получается – слямзили у нас все буржуины один к одному? Экое инженерное убожество. А что удивляться? Буржуины же. И все-таки как-то оно не по себе. Неправильно.

Егор покосился на левое плечо, на шеврон с эмблемой GazPromSpace, затем на правое. На правом торчал свеженаклеенный символ: скрещенные серп и молот внутри аллой пятиконечной звезды. Это да, это пусть знают.

– Roger! Unknown board, d’yo hear me? – прорезался сквозь вой помех голос чужого диспетчера.

– Roger! – отозвался Егор и зачем-то добавил на русском: – Принимайте гостей!

Дернул кольцо над головой – над планом с треском развернулось полотнище. Эту шутку придумал Олег, белый флаг, сказал он, универсальный символ мирных намерений. Собьют – и выйдет нам не дружественный контакт, а международный конфликт. Егор не возражал – в особую враждебность конкурентов он не верил, но если другу спокойней, то пускай его, полетаем под белым флагом.

– Okay. – Диспетчер остался невозмутим, можно подумать, к ним с Базы каждый день гости сваливаются. – Sector two, red lights.

Да уж, интересное дело, взлетал – вторая площадка, габариты зеленые, посадка – вторая площадка, габариты красные. Как и не летал. Ладно. Разберемся.

Плавнo опускаемся на чистенький – ни комочка *киселя* – гудрон, крылья вверх, погасить инерцию таким же плавным подскоком, все, прилетели. Отстегнуть карабины, сложить крылья. Осмотреться. Понятно – ни души. И правильно. Ты что, ждал, что станут встречать оркестром?

Ох! Таких женщин Егору видеть на доводилось. Ни воочию, среди знакомых-подруг Базы, ни в трансляциях или фильмах Земли. В голове гудело после шлюзования, детоксикации, медицинского отсека. Вот особенно после него. Рамки сканеров – дело привычное, пробы дыхания – тоже. Но по ходу роботизированный медомплекс – не стоит и упоминать, что точно такой же, как на родной Базе, заставил выпить стакан белесо-мутной жидкости. Ну, значит, хоть вирусы-бактерии у нас разные, уже что-то. И от пойкило этого, не иначе иммуномодулятор какой, в голове гудело.

А напротив тебя – девушка с темно-золотистой кожей. Тяжелые черные волосы, роскошные волосы, темные глаза, полные, чувственные губы. Мулатка, чего уж там, понятно, но как-то вот в жизни Егора с мулатками не задалось. Так что и без того слабенький английский сам по себе выветрился из головы.

– Take your place. – Девушка красноречиво указала на кресло, прозвучало как «не стой столбом». – Как вам зовут?

– My name is Egor, – заученно ответил гость. – А как вас зовут?

– I’m... Jane. Может називат Janie. Ви неожидан guest, Егор. А’yo present ваши руководител? What is your mission?

Ну да, конечно. Как раз старшие об их с Олегом затее должны знать меньше всего. Ну, пока так.

– Я представитель молодежного комитета Базы!

Брякнул так брякнул. Всего комитета пока они с Олегом. Но они же над этим работают! Будет и комитет, не сразу, но будет. Идеи овладевают массами, массы овладевают идеями. Масса на ускорение – уже сила. Что за вздор лезет в голову? Да не пьйся ты на бюст этой Джейн. Посол доброй воли, тоже еще.

– Oh! Brilliant. – Взгляд ее сделался еще темнее. – Рассказыват, Egor, please. Я понимает русски better then speak. Командор транслироват in real time.

Ясно. К руководству ихнему его, конечно, не допустят, да того и не ждали. Есть говорящая кукла – красивая, зараза, как восход Энцелада над Его Величеством Властелином Колец. Есть трансляция разговора. Надо думать, начальству. Егор набрал полную грудь воздуха – а вот воздух у них ничего, даже с запахом таким приятным, и принялся излагать отретпетированное.

Изложил о бессмысленности соревнования двух систем здесь, на Титане. И, напротив, о необходимости соединить усилия. Родной планете нужен газ и *кисель*, то есть сложные органические соединения, добыча их – долг. Но выживать лучше вместе! Ресурса мало, Земля перестала снабжать необходимым уже лет пять. Ни к вам, ни к нам грузовики не сядились, только танкеры. Мы предлагаем сотрудничать. От лица всего Союза Социалистических Государств...

– Okay, okay! Enough... – Она рассмеялась, явив безупречно белые зубы. – Сотрудничай, sure. В какой област?

– Космос! – выдохнул Егор. – Кому, как не нам, осваивать Сатурн и окрестности? Спутники! Астероиды! Источник металлов и столь необходимых нестабильных изотопов. Наше поколение хочет, как земные парни. Там, – он махнул рукой вверх, – уже всюю терраформируют Марс, уже наши, социалистические, корабли оседлали систему Юпитера. А ваш буржуазный мир гнивает...

– Brilliant, – пробормотала Джейн, не поведя и бровью.

– А то! Уверен, вас дезинформируют! Вот!

Он с треском расстегнул «липучку» на груди, вынул из кармана кейс с горошиной. – Вот, покажите это своему... начальству!

Она столь же невозмутимо приняла кейс, открыла. Захлопнула.

– Sure. Wait here for a minutes. – Она встала. И добавила с кокетливым прищуром: – Ми-ну-точ-ка!

Егор уставился на дверь опустевшей переговорной, поправил на коленях шлем, почесал затылок. Последнее, впрочем, мысленно. Не слишком ли он перегнул с пропагандой?

– Этот русский похож на сумасшедшего!

– Русские все сумасшедшие, дочь, – рассудительно заметил ее собеседник, немолодой, сухощавый, подтянутый, что сразу выдавало в нем бывшего военного.

Вернее, просто военного, они бывшими не бывают.

– Ты сам слышал, какую чушь он молот. Союз Социалистических Республик. Терраформирование Марса!

Командир базы – по совместительству отец юной переговорщицы – лишь улыбнулся.

– Отец, он может оказаться и провокатором.

– Может. Но не думаю так. Скорее – жертва коммунистической пропаганды.

Джейн фыркнула:

– Он даже не знает, что их ГазПромСпейс давно поглощен американскими компаниями, что он работает на нас, а их Россия... части России – протектораты нашей Америки.

Командир прошелся по кабинету, провел пальцами по пульту.

– И не узнает, Дженни. Или... А ну-ка, дай сюда кристалл.

Он задвинул горошину в паз анализатора, склонился над экранами.

– Чисто, вирусов нет. Детка, гляди сюда.

Экран вывел в увеличении маркировку горошины: незримую обычным глазом лазерную маску, нанесенную над магнеторезистивным мультислоем контактных дорожек, прямо по монокристаллу сапфира. Штрих-маркер и буквы: «Made in USS». В углу экрана появилась вторая маска – стандартная, с буквами «Made in USA». Движение пальца – маски совместились, показывая полную идентичность. Кроме не совпавших последних букв.

– Ловко. – Джейн вопросительно глядела на отца.

– Да, Дженни, кристаллы созданы в одном месте. Но с разной целью.

– Их дезинформируют!

– Или... Детка, ты не забыла, что рассказывают нам много, но ничего не шлют. И что будет, когда в реакторе догорят последние стержни? – Он раскрыл кристаллотеху. – Так, вот оно. Отдай ему наш кристалл. В рамках... эм, информационного обмена. Действуйте, мисс Дженнифер!

Пока он летал, Базу завалило снегом. Снег срывался и сейчас – большие, плотные комки величаво и медленно опускались с оранжевого неба. Чтобы превратиться в *кисель*. Микс ценных органических соединений, продукт бушующих в атмосфере гроз. Манна небесная.

Полученная горошина, казалось, жгла грудь аж через термак. Глянуть не терпелось. Конечно, там наверняка пропаганда, и все же. Егор штатно совершил посадку, занес план в ангар и поспешил к шлюзу. В жилом модуле сбросил наконец изрядно поднадоевший термокостюм, запустил комп, загрузил горошину и вызвал по внутренней Олега. Тому до вахты оставалось два часа, и время это напарник коротал, как обычно, на тренажерах.

– Короче, друг, ничего у тебя не вышло, – изрек он, едва Егор кратко изложил итоги миссии доброй воли. – Подожди чуток, скоро буду.

Егор пропустил мимо ушей это «у тебя» – можно подумать, не вместе они готовили визит, а уж речь, так ту сам Олег, больше, и писал.

На экране англоязычная темнокожая дикторша бодро вещала о слиянии GazPromSpace с американской Oil Exxson Universe...

– Знаешь, друг. – Олег хмурился и был непривычно серьезен. – Я вот что думаю: надо докладывать старшим. погоди! Только не говори, что я это дело замесил, мне и разбираться. Кто у нас сын начальника Базы – я или ты? Если пустим по инстанциям, месяц будут муржить.

Егор задумался. С одной стороны – содержимое буржуинской горошины сплошная деза, не может иначе, просто не может. С другой... А Батюшка Сатурн его знает, что с другой. Все неправильно, все не так, как он себе видел.

– Ладно... Иди уже, у тебя скоро трудовые подвиги... по графику. Танкер пришел?

Олег кивнул и вышел. Дверь с легким шипением скользнула из пазов и закрылась за его спиной. Егор взялся за коммуникатор.

К командиру базы, старшему из старших, конечно, просто так не попадешь. И сейчас отец хотел ограничиться дежурным «Егор, личные вопросы в нерабочее время». Как будто оно у него было, это самое нерабочее время. Но, услышав новости, сменил тон и велел «рысью к нему». Положим, не рысью, а лифтом, но Егор медлить не стал. Может быть, он посоветовался бы с матерью. Но матери уже три года как не стало. Медленные бактерии Титана плохо уживаются с человеческим организмом.

– Ты идиот, сын! – Егор впервые видел отца разгневанным. – Авантюрист – ладно, простил бы, но глупость... Ты понимаешь, что на мне пятьсот живых душ здесь? Зачем полз смотреть?

Он ткнул пальцем в анализатор, куда перед этим заложил полученную у конкурентов горошину.

– Отец, это всего лишь пропаганда...

– Кретин. Это всего лишь боевой вирус, наверняка успел распознать по всей Сети.

Отец одновременно манипулировал клавиатурой пульта: в углу экрана появилась маркировочная маска стандартного информ-кристалла, скользнула к центру, совместилась с чужой. Полностью, лишь две последние буквы накладывались, не совпадая.

– Ни фиги себе... – протянул Егор.

– Угу... Эксперимент есть эксперимент. Старшего кибернетика ко мне! – рявкнул он в коммуникатор. – Внимание всем службам информационной безопа...

Он не договорил. Освещение в пультовой исчезло. Две секунды темноты – и свет явился, но другой: желтоватый и тусклый свет авариек. Уже понятно стало, что происходит. Умный компьютер энергостанции, обнаружив угрозу, зауклился, задвинул в реактор замедлители и перестал подавать электричество. Там, на берегу озера, зябко передернули плечами и замерли насосы. Застыли посреди заснеженной равнины автоматические кислесборщики. В электролизной прекратилось расщепление воды. Замерли синтезаторы производственных линий. А жилой блок... жилой блок протянет на резервных аккумуляторах несколько суток.

Ситуация «уровень ноль», вот что это.

– Космоса, говоришь, хотел? – Отец сделался странно спокоен. – Получишь космос. Полетишь на хаб. Держи.

На его ладони лежала еще одна горошина.

– Держи, кому говорю. Здесь программа полета для вашего... хм... челнока.

– Откуда ты знал, что...

– Оттуда! Конспираторы хреновы. Задача: выйти на внешнюю орбиту, достичь точки L5, высадиться на хаб и запросить помощь. Выполнять!

Егор сжал кулак с кристаллом. Сказка становилась былью, но совсем не так, как ему мечталось.

Что может быть лучше полета на прямоточе над просторами родной планеты? Когда ты и корабль – одно целое, когда гудят компрессоры, нагнетая в камеры сгорания забортную атмосферу, и ревет, вырываясь из сопла, раскаленная струя, когда чем выше – тем стремительнее, там, наверху, много топлива, и приходится снимать ногу с педали газа, чтобы не вылететь в аборт, – за пределы атмосферы, на смертельную эллиптическую орбиту, а сбросив скорость, плавной глиссадой пройти над бесконечными цепями экваториальных дюн, над вершинами диких хребтов, над гигантскими морями и мелкими озерами...

Егор был пилот, что называется, от Бога. Ему и в голову не могло прийти, что посади любого, выросшего в гравитационном колодце Земли, за штурвал прямоточного метан-кислородного летательного аппарата, и этот любой – еще на взлете не удержит управления и «съедет», разметав обломки прямоточа вперемежку с частями собственного тела по ледяным полям. Или разобьется о свинцовую поверхность метанового океана. Егор родился и вырос на Титане, и оранжевое небо – родное небо – манило его с детства, туда, вверх, где уже различимы и Властелин Колец, и сами кольца, и Энцелад, и Япет, и сверкающий алмаз Гипериона, но еще не видны звезды.

Егор мечтал о звездах. И вот мечта осуществлялась.

Но теперь все не так. Переделанный в космический челнок прямоточ прет в небо свечой, пилот в ложементе – только статист. Перегрузка превращает пятнадцать килограммов веса пилота в тридцать. Риск велик. Выдержит ли герметик кабины космический вакуум? Термак переделан в скафандр самым примитивным образом – многочисленные обручи охватывают руки, ноги, туловище, и неизвестно, как при разгерметизации поведет себя шлем.

Два года кропотливой работы их инженерно-пилотной группы, но кто сказал, что где-то не закрался дефект, где-то – неточный расчет?

А корабль уже пробивает тропопаузу, входит в зону ветров, проходит верхнюю ионосферу, и вихревые токи, соскальзывая со сверхпроводящих защитных плит носа, голубыми змеями окутывают фонарь кабины...

Еще вверх. Небо больше не оранжевое – оно иссиня-фиолетовое, и добрую треть занимает желтое пятно Властелина Колец, и двигатель ревет победно – в верхних слоях очень много метана, а затем небо становится угольно-черным, и там, где заканчивается царство Властелина, рассыпаются разноцветные огни звезд.

Двигатель обрывает пение, вибрация корпуса исчезает – тишина, как удар по голове, и наступает невесомость. Ты падаешь, падаешь в неизведанную пропасть, хотя по-прежнему остаешься надежно пристегнут к ложементу. Егор тренировался в свободном падении. Но к невесомости невозможно привыкнуть. Где верх, где низ? Оранжевая поверхность Титана плывет вверх, а космос, наоборот, там, под ногами.

Виток, звонко щелкает клапан переключения подачи топлива, и в соплах вспыхивает уже гидразин: программа коррекции орбиты в экваториальную плоскость, короткое ощущение вернувшегося веса, и снова падение в никуда. Еще виток, еще – корабль прицеливается, корабль скоро оторвется от планеты и устремится по ее орбите в точку встречи – точку Лагранжа L5. Его цель – станция-хаб, космический заправщик супертанкеров жидкого газа, идущих с Земли.

Снова перегрузка, снова тяжесть – в права вступает уже притяжение Батюшки Сатурна, и нет сил любоваться воплощенной мечтой. Слишком многое поставлено на кон, и совсем ничего не зависит от пилота, способного сейчас только читать сообщения программы. Тяжесть нарастает, делается нестерпимой, – корабль чертит пологую дугу, потому что два километра в секунду – это медленно, это очень медленно, на такой скорости полет продлится не одни сутки, а этих суток у оставшихся там, под покровом атмосферы нет. Поэтому – разгон под углом сорок пять градусов к орбите, долгий многочасовой разгон, а затем такое же долгое торможение, тот же разгон, но со знаком минус, и Егор весит уже свои земные девяносто килограммов, и в голове крутится одна и та же мысль: понятно, отчего старшие с детских лет гоняют младших на тренажерах и центрифугах, заставляют приседать с жуткого вида штангами и отжимать их же лежа...

Хронометр бесстрастно отсчитывает время, бортовые системы ведут себя штатно, и на девятом часу полета компьютер оживает: механическим голосом сообщает о входе в зону L5. Снова невесомость инерционного движения, лишь изредка просверкивает пламя боковых маневровых сопел, а звездное небо с хорошо различимым серпом Гипериона вздрагивает. Корабль делает коррекции, пытаясь обнаружить в тысячах и тысячах кубических километрах пустоты цель. На экране радара множество точек, но что из них хаб, а что – астероиды, пойманные в ловушку частного решения задачи трех тел? Программа имеет на этот случай ход конем: в пространство устремляется «мэйдэй», сигнал бедствия.

Текут минуты, тягучие медленные минуты, и в тесноте кабины возникает новый голос – на сей раз совершенно человеческий:

– Внимание. Говорит станция «Титан-Главная». Принимаю управление на себя. Не отключайте пеленг. Как поняли, прием.

– Понял, спасибо. – Егор не узнает своего голоса.

Зато узнает голос «Главного». Вахта на станции длится пять лет, и за эти пять лет можно наизусть выучить и изображения экипажа, и имена. Голос командира станции.

Боковой двигатель отрабатывает коротким импульсом, и одна искра света из всего вороха занимает место посреди экрана и начинает увеличиваться в размерах.

Хаб оказывается огромной сферой, из которой длинным языком высовывается платформа, по торцам которой в магнитных барабанах-захватах внушительно торчат танкеры. Обе поверхности платформы усеяны какими-то сооружениями – то ли ангарами, то ли оранжереями. Стыковочного узла на челноке не предусмотрено, но он и не нужен: ведомый чужой волей, корабль приближается к сфере, та на миг превращается в отвесную стену, и в этой стене раздвигаются лепестки диафрагмы. Челнок медленно – сантиметры в секунды – заплывает внутрь, срабатывает магнитный захват, диафрагма так же бесшумно смыкается, и в шлюзе начинает клубиться туман – подача воздуха.

Хронометр отсчитывает еще двадцать минут, шлюзование окончено, и уже другой голос, женский, кажется, это бортинженер первой категории, разрешает разгерметизацию кабины и выход.

– Следуйте по зеленому светящемуся пунктиру, – говорит голос.

Похоже, здесь есть тяжесть, сообщает Егор. Запоздало доходит – станция вращается вокруг своей оси, центробежная сила есть. К счастью, тяжесть невелика – совсем как дома. Земной свой вес он вряд ли смог бы тащить.

Светляки указателей вспыхивают при его приближении и гаснут за спиной. Коридор приводит к лифтовой, в кабинке лифта под ногами загорается надпись «низ», наверху – «верх». А может быть, наоборот? Конечно, лифт идет или от центра сферы, или к центру. В центре, по идее, снова невесомость...

И не по идее, а да, невесомость. Он выплывает из кабины и получает указание закрепиться за трос. Трос сам приходит в движение, тянет к середине занимающего внушительный зал сфероида. Рубка управления.

И она пуста. Вокруг подковообразного пульта, усеянного незнакомыми приборами, кнопками, мониторами, установлено несколько кресел, одно – внутри самой «подковы». И никого.

– Присаживайтесь, Егор! – Голос заставляет вздрогнуть.

Вот только никого не было, а вот в кресле внутри «подковы» – человек. Да, это Петр Николаевич, вахтовый командир Базы. Егор понимает, что ни разу не слышал его фамилии, да и сам командир редко возникал в передачах со станции. И еще Егор понимает, что перед ним не человек.

Голограмма. Да, голограмма – невидимые глазу лазеры подсвечивают невидимую же в обычном свете аэрозоль, распыляемую, наверное, прямо из-под кресла. Егор совершает пируэт, устраивает тело в кресле и только после этого отпускает страховку, вцепляется обеими руками в подлокотники.

– А где... все? – Дурацкий вопрос, но ничего путного на ум не идет.

– На станции нет людей, – мягко произносит «Петр Николаевич». – И не было последние пятнадцать лет.

Егор переваривает сказанное, а «командир», предвещая вопрос, продолжает:

– С вами, Егор, говорит искусственный интеллект. Я и есть «Титан-Главная». Могу поменять визуальное представление, если вам более комфортно общаться, например, с лицом противоположного пола и сходного возраста.

Егор мотает головой – нет уж, хватит и одного видения. Сейчас он прекрасно наблюдает легкую полупрозрачность «командира» – пульт просвечивает сквозь его спину вполне отчетливо.

– Насколько мне известно, у вас проблемы, – так же негромко продолжает призрак. – Прошу вставить кристалл в ридер. В поручне кресла, у вас под правой рукой.

Егор совершенно машинально достает коробку со злополучным подарком конкурентов, так же машинально обнаруживает под рукой слот, вставляет кристалл.

ИИ, вернее, его отображение, на мгновение прикрывает глаза.

– Остроумно, – выносит приговор он. – Но примитивно.

– А вам... – «Вам» дается несколько с трудом, общаться с разумной машиной Егор не приучен. – Вам не вредно?

Лицо «Петра Николаевича» озаряет скупая улыбка. Призрак качает головой.

– Я – суперпозиция электронных спинов. Квантовик. Столь примитивные поделки для меня всего лишь то же, что и для вас картинка на стене. На картине – ужасный монстр, но ведь он не опасен, не так ли? Кстати, я уже отправил к вам на Базу антивирус. Мощности вашей радиостанции в режиме приема хватит даже на резервном питании. Есть время поговорить. Люди ведь любят поговорить, не так ли?

– Ничего не понимаю, – бормочет под нос Егор скорее самому себе, но призрак прекрасно расслышал.

– О, не беспокойтесь, сейчас все станет ясно. – Он скрестил руки на груди, вытянул ноги, выпрямился.

Невесомость не страшна голографическим изображениям.

– Последняя человеческая вахта, Егор, покинула «Главную» три смены назад. То есть пятнадцать лет назад. Новая не прилетела. Тогда же была утрачена связь с Землей. Буду точен – не с Землей, а с людьми. Околоземные геостационары живы. Смотрите.

Часть вогнутой стены за его спиной превратилась в объемное изображение. Возник космос, в нем – огромный шар, в котором Егор узнал Землю не сразу. Шар не с голубой дымкой атмосферы, а пепельно-серой. Только очертания материков выдавали в нем родину человечества.

– Вы, конечно, хотите получить информацию о том, что произошло на планете. Увы, не знаю. Я показываю вам в режиме реального времени то, что есть.

– В реальном времени?

Он обругал себя за тупость – что всю дорогу переспрашивать уже сказанное, но, опять же, ничего умного в башку не лезло.

В башке вообще установилась девственно-чистая, кристально прозрачная звенящая пустота.

– Вы должны быть знакомы с физикой квантовых состояний. Меня создавали в состоянии квантовой запутанности с другими квантовиками. Естественно, у меня мгновенная связь. Но послушайте. В меня заложена программа самосовершенствования. Я могу самостоятельно расширять рамки задач. Особенно интересно имитировать работу человеческого сознания. Я научился этому виртуозно, несмотря на некоторые трудности с высшими эмоциями и чувством юмора. Для них я придумал специальные программы-эмодрайверы. Если я захочу, то могу разозлиться, или взгрустнуть, или...

– Послушайте, как вас, – перебил Егор. – Что вы врете? А передачи с Земли, покорение космоса, построение социализма? А газ, а *кисель*, мы же все это отгружаем...

Егор осекся. Догадка, очень уж паскудная догадка, первая умная мысль за последнее время, посетила его, и, невзирая на слои термокостюма, прокатилась по спине волна озноба.

– Поймите меня правильно. Люди Земли перестали отвечать, перестали прилетать. Но ИИ остались. Супертанкер по-прежнему приходит за газом и забирает его на Землю. Значит, Земле нужен газ? Поначалу, кстати, он доставлял материалы и оборудование для ваших Баз. Теперь не доставляет. Я должен был решить задачу оптимального функционирования колоний. Сравнительный анализ групповых социальных спектров обоих поселений привел к модели, которая хорошо проявила себя в земном социуме прошлого столетия. Это модель соревнования двух различных общественных систем. Очень сожалею, но модель дала сбой, чем себя исчерпала. Именно поэтому мы и разговариваем здесь об этом.

– Социализм и капитализм?

– Именно так. Хаб же изначально проектировался как международный... я внушал вам соответствующие симулякры, иные – вашим конкурентам. Русские склонны в своем сверх-Я к коллективизму и взаимовыручке, англосаксы – к...

– Так! – Звонящая пустота, похоже, сейчас сменится клокочущей яростью. – Симулякры, говоришь? Значит, квантовик способен лгать?

Призрак оставался невозмутим.

– Ложная информация – термин, не имеющий физического смысла. Информация всегда абсолютна.

– Так почему я должен верить в эти картинки? – Егор ткнул пальцем в истаявшее изображение мертвой Земли.

– Вера – понятие не алгоритмизируемое, – столь же невозмутимо заметил ИИ. – И даже не вероятностное. Вы можете верить или не верить, но запасы расщепляющегося материала для ваших энергостанций закончились. Вам необходимо полагаться на себя. Для этого у вас есть все возможности.

«Эксперимент есть эксперимент», – вспомнилась странная фраза отца.

Что он этим хотел сказать? Какой эксперимент? Над кем?

– Вижу, что вы понимаете правильно, Егор. Неважно, достоверна моя информация или является виртуальностью. Неважно, живы земляне или погибли. Неважно, летают они в космос или не летают. И то, и другое равновероятно, и то, и другое может происходить-не происходить одновременно-равновероятно. И равновероятно – неважно. Важно другое.

– Что же?

– Вы знаете. Еще не осознали этого понимания в себе, но непременно осознаете. Давайте послушаем песню.

– Песню? Сейчас?

– Песню. Сейчас.

Ответить Егор не успел. Рубку заполнила мелодия – простая, незатейливая мелодия, – и детские голоса:

*Вот уже два дня подряд
Я сижу рисую.
Красок много у меня,
Выбирай любую.
Я раскрашу целый свет
В самый свой любимый цвет!
Оранжевое небо,
Оранжевое море,
Оранжевая зелень,
Оранжевый верблюд.
Оранжевые мамы
Оранжевым ребятам
Оранжевые песни
Оранжево поют...*

Максим Хорсун *Terra innocentiae*

Будь благословенна, Земля Невинности! Страна рыжих песков, каменистых дюн, суровых скал и пыльных небес. Край, где по воле Божьей и по благословению святейшего Папы девять монахов-иезуитов строят храм, достойный величия Его.

Начало любой истории – это Святое Писание. Однако мой рассказ начнется с событий не столь давних, и зачином им стало явление, возможно, неочевидное глазу, но грандиозное и удивительное по своей сути. В пасхальную неделю года 2050 от Рождества Христова монах-августинец аббат Густав Иоганн заметил, что одна из самых ярких звезд небосвода изменила цвет. Предвестник войн и несчастий кровавый Марс внезапно переродился, лишившись пугающей красноты, и воссиял синим сапфиром, подобно звезде Вифлеема.

Путем дальнейших наблюдений было установлено, что отныне Марс – не мертв и не враждебен всему живому. Плотная оболочка из пригодного для дыхания газа укутала покрытые тысячелетними кратерами полушария. Иссушенная, словно мощи, кора исторгла из недр своих прозрачные воды, которые разлились по поверхности планеты морями и реками.

Святейший Папа Бенедикт XVII издал буллу, в которой объявил произошедшее чудом.

Было решено, что первыми на Марс отправятся монахи из Общества Иисуса: ученые, путешественники и миссионеры. Несмотря на юность и горб за плечами, я удостоился великой чести присоединиться к экспедиции.

Ватикан поставил задачу удостовериться, что перерождение Марса – есть результат Божьего Промысла, а не проявление прочих сил – дьявольских козней, колдовства или вмешательства гипотетических пришельцев из других Солнечных систем. Нам было поручено воздвигнуть первый на планете храм, дабы звучало под его сводами Слово Божие и совершалось таинство Евхаристии, даря новому миру благую весть и надежду на спасение.

Для нас же девятих это был путь в один конец.

Без сомнения, пройдет не так много времени, и тысячи переселенцев пересекут бездну безвоздушного пространства. На Марс придут атеисты и безбожники, придут добрые христиане и праведники. Я и мои братья будем смиренно ждать этого часа. Наш храм, словно Ковчег Спасения, примет каждого нуждающегося в помощи, утешении или надежде.

Таков был замысел, и мы самозабвенно следовали ему, однако Всевышний, как оказалось, вознамерился иначе распорядиться своими верными слугами.

Полет с Земли на Марс длился без малого два года. Все это время я и мои братья провели в молитве и умирении плоти. Это была пора непрерывных мук и жесточайшей аскезы. Это было суровое испытание для нас и для нашей веры. Оказавшись взаперти наедине со звездами, мы постигли новые аспекты учения Христа и углубились на пути служения Ему. Нас посещали видения, мы слышали голоса ангелов. Наши надрывные литания разнеслись бы по Вселенной, если бы звук был способен распространяться в безвоздушной среде...

Когда настала пора покинуть «Святой Тибальд», мы уже не были теми людьми, которые некогда поднялись на его борт.

Я спустился по трапу нашего космического скитальца первым и тут же рухнул на колени, чтобы возблагодарить Творца за этот день, за благополучное завершение путешествия и за чистый воздух, которым я снова дышу. Рядом со мной на колени пал брат Яков, но вместо молитвы с его уст сорвалось лишь одно слово: «Гравитация!» – а после он поцеловал камни и пыль.

Брат Михаил приземлил «Святого Тибальда» в защищенную от ветров межгорную долину. Три вершины образовывали гребень вулканического хребта, и руководитель экс-

педии профессор Габриель Савойский нарек их слева направо – Отцом, Сыном и Святым Духом.

Мы сняли с корабля, которому больше не суждено было взлететь, две фермы крепления сбрасываемых топливных баков и сварили их перпендикулярно друг другу. Это было первое дело, совершенное нами под новым небом нового дома. Взвалив на плечи получившийся крест, мы двинулись к вершине Отца сначала по рассыпчатому щебенистому склону, а потом – по вырезанным ветрами ступенчатым уступам на самый верх. И там, на продуваемой со всех сторон площадке, мы установили символ нашей веры, заглубив его нижнюю часть в черную породу, и там же отслужили первую литургию. Вокруг простиралась пустошь, но наши души были переполнены благодатью, и когда схоласт Станислав вдруг указал на облака, серебрящиеся над Сыном, и произнес громким голосом: «Крылья! Смотрите, там крылья!» – мы все сочли это благим знамением и отозвались в один голос: «Аллилуйя!»

Я могу долго рассказывать о нашем новом доме. Если бы я не возлюбил его всем сердцем, то этот мир превратился бы в изоциренную тюрьму без стен и надзирателей.

Ранним утром воздух здесь пахнет снегом и студеной речной водой. После полудня добавляются отчетливые медвяные нотки нагретого солнцем глинозема. Вечером же в дыхании небес ощущается соль молодого моря.

Я помню сделанные аппаратами НАСА фотографии марсианских рассветов и закатов. Теперь тут все изменилось – утренние и вечерние цвета стали такими же, как на Земле, но из-за запыленности атмосферы сумерки тянутся нескончаемо долго, а запад сиян умопомрачительным слоистым заревом, в котором смешаны все оттенки красного.

Подобно земной пустыне, которая преображается после каждого дождя, внезапно разгораясь яркими красками, так оживали и пустоши вокруг хребта Святой Троицы. На гребнях дюн распускались цветы – желтые, бледно-розовые, серо-голубые, тончайшие нити их корней крепились прямо к камням. Тучи песчаной мошки – мельчайших насекомых-однодневок – кружат над пустошью, словно призраки. Наполненные влагой чаши кратеров обжиты коричневыми мхами и трубчатыми серыми лишайниками. В водоемах обитают бесчисленные виды водорослей, мелких моллюсков и проворных существ, похожих на рыб.

Мы установили, что в основе здешней биологии – те же самые белки, благодаря которым существует жизнь на Земле. Несомненно, это был «подчерк» Творца!

Такая близкая родственность внушала оптимизм, поскольку запасы провизии на «Святом Тибальде» таяли, а оранжерея, которая находилась в зоне моей ответственности, девятых пока прокормить не могла.

Я первый попробовал похлебку из рыбы, выловленной в речушке, чей исток находился на противоположном склоне Сына. Ничего вкуснее я не ел, наверное, всю свою жизнь. Мои братья глядели, как я уплетаю сваренную на костре уху прямо из котелка, и в глазах их читался вопрос, а еще – желание поскорее присоединиться к трапезе. Но они были вынуждены ждать, чтобы удостовериться, что со мной ничего не случится.

Таковыми были наши первые дни на Марсе. Помимо молитвы и богослужений, мы работали в поте лица. Как только был разбит лагерь, профессор определил место под строительство базилики, и мы принялись копать в неподатливом грунте траншею под фундамент. Одновременно мы закладывали объекты нашей будущей инфраструктуры. На вершине Сына мы разместили узконаправленную антенну для связи с Ватиканом, на западном склоне Отца и на восточном Святого Духа каскадами выстроились панели солнечных батарей. Почти сразу начали сборку оранжереи, работа в которой для меня впоследствии стала и ремеслом, и искусством, и призванием.

Так получилось, что мы использовали и простейшие инструменты, вроде молотков и зубил, и самое передовое оборудование, которое когда-либо создавалось по заказу Церкви.

Вместе с нами трудились два промышленных 3-D принтера: «Давид» синтезировал лекарства, биодобавки, сложную органику – глюкозу и жиры, которые мы могли употреблять в пищу, а «Голиаф» – строительные смеси, детали и инструменты из различных типов полимеров, пластиковые трубы, элементы строений. В качестве сырья оба принтера могли использовать все, что было под рукой: почву, пыль, грязную воду и все типы органических отходов. Это было очень удобно и даже – богоугодно, поскольку никто не хотел, чтобы прибытие человека на Марс ознаменовалось появлением возле лагеря вонючей помойки.

Здесь мы были сильнее, чем на Земле: каждый мог поднять значительный вес, не прибегая к помощи механизмов. Мой горб больше меня не тяготил, я наконец мог держать голову ровно и даже стал немного выше ростом.

Рук, само собой, не хватало, но никто не сомневался, что с Божьей помощью мы справимся со стоящим перед нами кругом задач. Каждый марсианский сол мы занимались полевыми исследованиями: наблюдением, снятием показаний с различных приборов, сбором биологических образцов, проб воды и почв. Мы работали в лабораториях и мастерских лагеря. Мы занимались заготовкой глины, которой было вдоволь в предгорьях, или камня: как мягкого, вроде туфа или пемзы, так и твердых гранитов и порфиров. Мы трудились над закладкой фундамента храма. Впрочем, оранжерея на постоянной основе была закреплена за мной, как «Святой Тибальд» – за братом Михаилом, а биолaborатория и лазарет – за братом Яковом.

Мы изготавливали кирпичи для храма по примитивной технологии, известной еще в Древнем Риме, одновременно, для заготовки блоков из гранита, мы использовали электропилы с алмазными дисками, о которых строители прошлого не могли даже мечтать.

Чего нам действительно недоставало, так это вдоволь электрического кабеля и изделий из металлов. Мы мечтали о литейном цехе или хотя бы о самой простой кузнице, но пока мы не могли самостоятельно добывать руду и заниматься ее переработкой. Единственным источником металла был «Святой Тибальд», но в его конструкции в основном использовались сплавы, не поддающиеся обработке на доступном нам уровне. Словно опарыши, выедающие внутренности мертвой черепахе, мы потихоньку разбирали корабль изнутри, оставляя нетронутым лишь корпус и двигатели. И я не раз видел на лице брата Михаила грусть, ведь для него то, что нам приходилось делать с космическим скитальцем, было сродни канибализму.

Професс Габриель вышел на связь с главной курией Общества Иисуса и доложил генералу Джованни Пикколомини об успехах экспедиции. Генерал передал, что Верховный понтифик требует отчет с подтверждением или опровержением сверхъестественной сути преображения Марса. «Нам предстоит еще очень много работы, – ответил профессор. – Даже находясь на месте события, мы и на одну миллионную не приблизились к пониманию происходящих здесь процессов. Но одно не подлежит сомнению: Марс сегодня наполнен светом созидания, и мы с братьями как никогда сильно ощущаем близость Всевышнего». Чуть позднее нам были переданы слова Папы. «*Sic auxilium vobis Deus!*» – лаконично сказал Святейший.

Я находил истинную отраду в работе с растениями. Моими подопечными были шпинат, соя, лук-порей, вьющаяся клубника, немного болгарского перца. Но настоящими любимцами почему-то стали помидоры, хотя на Земле я не замечал к ним особой привязанности – ни гастрономической, ни душевной. Я дал имя каждому кусту, и всякий раз, находясь в оранжерее, я разговаривал с ними, словно с верными друзьями. Господь свидетель, как я радовался, когда пересаженная в подготовленный грунт рассада прижилась и когда на кустах появились первые цветочные кисти. Как подрастающие дети, помидоры поглощали все больше и больше моего внимания: Франческе требовалось удалить лишние побеги-

пасынки, Анджею – лишние завязи, Луи нужно было переформировать стебель, а толстуху Эстер подвязать к каркасу оранжереи, поскольку ни один «напечатанный» «Голиафом» пластиковый кол не выдерживал ее веса... Я называл помидорешек по именам, я нежно пожимал им руки-ветви, я с наслаждением вдыхал терпкий томатный запах. Однажды за этим занятием меня застал брат Томаш: он заглянул в оранжерею, чтобы согласовать мой запрос на использование «Голиафа» для синтеза очередной партии химических удобрений. С тех пор меня стали величать «брат Овощ». Даже сам профессор время от времени обращался ко мне «Франциск Помидорешек». Я принимал эти колкости со смирением и полуулыбкой на устах, мне грешно было жаловаться на судьбу, ведь Господь наш Иисус Христос и его ученики в свое время подвергались гораздо большему гонению и насмешкам.

Время от времени кто-нибудь из братьев заходил в оранжерею, чтобы просто посидеть на пластиковом табурете в окружении зелени и подышать запахом удобренной почвы и листвы, навевающим воспоминания о Земле. Чаще всего гости появлялись в вечерний час, когда густой, словно янтарная смола, закатный свет до краев наполнял прозрачную полусферу оранжереи. Я не удивлялся, если братья вдруг начинали откровенный монолог, обращенный равно как ко мне, так и к моим зеленым друзьям.

Брат Аллоизий был старше любого из нас, кроме того, он являлся самым опытным действующим экзорцистом ордена. Специализация Аллоизия наложила печать на его облик. Этот монах обладал не самой приятной привычкой глядеть долгим немигающим взглядом в одну точку, и очень часто эта точка располагалась между глаз у кого-нибудь из нас. Серая борода Аллоизия достигала середины груди, и, наверное, из-за ее тяжести нижняя губа экзорциста всегда была оттопыренной, приоткрывая тем самым неровные коричневые зубы.

– Бедный брат Овощ... – однажды произнес он, глядя, как я старательно поливаю помидорешки. – Путешествие далось тебе воистину непросто. Твое состояние вызывает беспокойство у профессора и у меня...

Я продолжал заниматься своим делом. Если Аллоизию есть что сказать – пусть произнесет свою речь. Кому, как не ему, известно, что всякое праздное слово – это тень, которую отбрасывает грех.

– Твоя голова – словно книга, в которой перемешались абзацы, – продолжил экзорцист. – Ты так трепетно обращаешься с кустами на грядках, ты так мило беседуешь с ними, будто ты – волхв или друид. Не произошла ли в твоей душе подмена понятий? Не сотворил ли ты себе идола? Не стал ли этот парник для тебя храмом? Вот что тревожит меня сейчас, брат Овощ... – Аллоизий потер обвисшую губу заглубившей от работы на стройке ладонью. – Ну-ка, прочти *Credo*!

Стоя коленями на сырой земле среди бархатистых листьев томатов, я послушно зашептал: «*Credo in Deum, Patrem omnipotentem, Creatorem caeli et terrae...*»

Мне показалось, будто я слышу перезвон китайских колокольчиков. Это были голоса помидорешек: они молились вместе со мной! От осознания этого факта на моем лице сама собой появилась улыбка. Запах томатов в ту минуту был для меня слаще, чем аромат ладана и миро, а шелест листвы так же брал за душу, как и звуки органа в соборе Св. Петра в Ватикане.

Брат Аллоизий тоже опустился на колени и самозабвенно продолжил вместе со мной и помидорешками: «*Et in Iesum Christum, Filium eius unicum, Dominum nostrum...*»

Возможно, моя голова действительно была не совсем здорова. Помню, как на двадцать первый сол я помогал брату Маттео – смуглому и курчавобородому мастеру на все руки – с трубопроводом, по которому в лагерь должна была пойти вода. Погода стояла необычайно теплая, над черными камнями поднимался пар, и густая дымка стелилась вдоль склона Сына.

У нас имелся аккумулятор, подключенный к нему паяльник, набор муфт, связка пластиковых труб трехметровой длины. Дело было нехитрое: нагреваем паяльником, а затем

вставляем конец трубы в муфту, потом – еще одну муфту, потом – следующую трубу, и так далее, постепенно подтягивая нитку к лагерю.

Мерно клубящаяся мгла отрезала нас от остального мира, заглушила все звуки... и, когда внезапно раздался детский плач, от неожиданности я повел трубой, которую Маттео как раз собирался приладить к очередному соединению. Труба встала криво и тут же намертво припаялась к муфте. Маттео поднял на меня полный укора взгляд.

– Слышишь? – спросил я, глядя на темные контуры размытых мглой валунов и скал. – Будто ребенок плачет... Младенец!

– Не слышу я ничего, – сердито буркнул Маттео, ведь он действительно был слегка глуховат. – Если ты продолжишь считать ворон, то мы провозимся до вечерни! Подай труборез, раззява! За твоей спиной лежит!

Я покачал головой, а потом поднялся и пошел по шуршащему щебню и чавкающим влажным мхам к скалам.

– Дурень горбатый! – бросил мне вслед брат Маттео. – Нет здесь никаких детей! И быть не может! Лишь бы не работать!

Само собой, я не ожидал найти среди этих первобытных камней малыша. Я никогда не был настолько наивным, насколько, надо полагать, обо мне думали остальные братья. В тот момент я был уверен, что звук, похожий на детский плач, издает какое-нибудь до сих пор неизвестное нам животное или же птица. Вообще, животный мир пустошей, окружавших хребет Святой Троицы, был изучен донельзя плохо. Мне очень хотелось сделать открытие, чтобы порадовать профессора, биолога Якова да и остальных. Поэтому я шел туда, откуда, как мне казалось, донесся плач, а за моей спиной монотонно ворчал Маттео.

Внезапно туман уплотнился, и мне явилась женщина с младенцем на руках. На женщине была просторная риза из развевающейся ткани, широкий омофор прикрывал ее пречистое чело...

Раскрыв от изумления рот, я сделал еще один шаг вперед и тут же потерял опору под ногами. Я рухнул на спину и поехал по склону, словно отрок по ледяной горке. Рядом грохотали осыпающиеся камни; моя ряса трещала по швам, а вместе с ней трещали и ребра, истонченные за два года, проведенные в невесомости.

Я упал в раскисшую глину. Шумно упал, с криком и громким шлепком. От удара у меня перехватило дыхание, а вопль застрял в глотке. Я лежал на дне ямы, в которой мы добывали сырье для кирпичей, и глядел в затянутое мгlistой поволокой небо. Высоко светило солнце, его лучи золотили верхнюю границу тумана. Неровные края ямы показались мне глазницей, а стоящее надо мной солнце – пылающим зраком; я смотрел в этот глаз, а он прожигал в ответ меня.

Когда Господь вернул способность дышать, я сразу же зашептал молитву Деве Марии. Я не стал распространяться о видении, посетившем меня на склоне, поскольку посчитал, что мои братья еще не готовы услышать такие откровения. К тому же вряд ли увиденное мною действительно было свято: я уверен, что истинная Дева Мария не позволила бы слуге Господнему сорваться со скалы.

Я услышал испуганный голос Маттео:

– Франциск! Франциск! Ты живой, брат?

Помню, как на исходе сорок шестого сола в оранжерею наведася профессор Габриель. Он задал мне несколько необязательных вопросов, потом сел на табурет у входа и произнес глубокомысленным тоном: «Господь наш знает толк в терраформировании...»

Я оторвал взгляд от мохнатого стебля толстухи Эстер и повернулся к руководителю миссии. Закатное сияние отражалось от обширной лысины Габриеля, из-за чего казалось, будто его голова окружена кровавым нимбом. Я счел это дурным предзнаменованием.

В юности Габриель пострадал во время Брюссельского теракта, хирурги спасли ему лицо, о былых ранах теперь напоминали лишь неровные шрамы на обвислых щеках и массивном подбородке. Волосы не росли на некогда поврежденных участках кожи, поэтому борода професса всегда выглядела клочковато и неопрятно.

Професс хмурился и играл желваками. Он тоже пришел поговорить о том, что тяготило душу. Оранжерея превратилась в некое подобие неформальной исповедальни; и брат Аллоизий в определенной мере был прав, высказывая подозрение, что это место стало моим храмом, но ответственность в том лежала не на мне одном, но на всех нас.

– Ты знаешь, Помидорушек, – обратился ко мне Габриель, – что мой отец был видным физиком и работал на БАКе? Он столь истово искал опровержение сотворения Вселенной по воле Божьей, что я, руководствуясь духом подросткового противоречия, выбрал путь служения Христу. Ведь всякое действие рождает противодействие, ну, ты в курсе, Помидорушек. В свое время я изучал физику, словно солдат, который зубрит язык противника лишь для того, чтобы допрашивать пленных. Сейчас передо мной стоит задача удостовериться, действительно ли на Марсе случилось чудо. Для этого я должен усомниться в факте чуда и проверить иные гипотезы научными методами. Сейчас я – мой отец. Знаешь, это так странно и тревожно. Как будто время мне отомстило.

Габриель замолчал, подняв взгляд в прозрачный свод. На стекле лежали отсветы догорающего дня. Я опустил на плоский марсианский камень, оставленный для красоты у края дорожки, и приготовился слушать дальше.

– Говорят, что способность истинно верующих видеть ангелов и слышать голоса святых объясняется феноменом измененного сознания, – вновь заговорил профессор. – Я также знаком с основными положениями квантовой физики. На квантовом уровне реальность определяется наблюдателем. И на квантовом уровне существует все и сразу – Бог, Акт Творения, Большой Взрыв, пришельцы, ангелы, безжизненный космос, Стивен Хокинг – олимпийский чемпион. Мы как будто заняты перетягиванием каната, и тот, кто победит, реализует свой сценарий квантового мира в мире классической физики. И сейчас я выступаю на противоположной стороне, Помидорушек. Сильна ли моя вера? Не пора ли принять чудо априори, свернуть исследования и перебросить все силы на строительство храма? Как ты думаешь, брат?

Внезапно профессор потемнел лицом, схватился за грудь и зашелся мучительным кашлем. Я вскочил на ноги, одним движением переместился к столу, на котором во вместительной пластиковой бутылке грелась вода для полива. Пока я искал, а затем наполнял пластиковый стакан, профессор успел прокашляться. Он шумно прочистил горло, сплюнул на грядку и в недоумении уставился на свой плевок. Ком мокроты был коричнево-красным, словно кусок несвежего сырого мяса.

– Domine miserere... – пробормотал Габриель обескураженно. – Только этого не хватало!

– Монсеньор! – встревожился я. – Что с вами?

– Понятия не имею, – ответил он. – В груди саднит, я думал – простуда.

– Нужно, чтобы брат Яков вас осмотрел. Сейчас же, – сказал я.

Я сопроводил професса в лазарет, который был расположен в гулком матовом куполе с тонкими стенами. Все материалы для его строительства «напечатал» «Голиаф». Я вызвал брата Якова – тот молился в своей келье на борту «Святого Тибальда».

– Жан Батист тоже жаловался на кашель, – поделился Яков. – Я и сам неважно себя чувствую.

– Что-то инфекционное? – еще сильнее заволновался руководитель миссии.

– Я вскоре выясню, монсеньор, – пообещал Яков, прижимая головку стетоскопа к волосатой груди Габриеля.

– Похоже, Господь приготовил для нас испытания, – заметил я.

– Ступай-ка лучше к своим кустам и помоги им опылиться, – бросил мне Яков.

Он обнаружил, что профессор болен эмфиземой легких в начальной стадии. Пропи-сал ему отдых, дыхательную гимнастику, кислородотерапию и какие-то особые препа-раты-ингибиторы, которые «Давид», до сего момента не производивший ничего сложнее порошкового вина для причастий, с натугой синтезировал больше суток.

Красноватый цвет мокроты был обусловлен не кровью, как мы все опасались, а везде-сущей марсианской пылью. Мельчайшая взвесь, по консистенции похожая на дым, попадала в бронхи и альвеолы, приводила к обызвествлению и появлению инородных тканей. Увы, но с этим ничего нельзя было поделать. Яков пророчил на наши головы хронические силикозы, бронхиты, эмфиземы, возможно – даже рак. Судя по его угрюмой мине, жизнь на Марсе не обещала быть очень долгой и простой.

У меня появились симптомы позднее, чем у остальных братьев. Это была одышка, упадок сил, субфебрильная температура, а затем – кашель-кашель-кашель... сводящий с ума, вызывающий головную боль, провоцирующий бессонницу и доводящий едва ли не до рвоты. Я не мог прочесть даже «Pater noster», чтобы не заперхаться, брызгая во все стороны красной слюной.

Можно было встать посреди лагеря в разгар дня и по кашлю определить, кто и где находится.

«Голиаф» напечатал для нас грубую ткань, и теперь каждый монах таскал с собой по отрезу, чтобы не пачкать плевками палубу корабля и полы в постройках лагеря. Тряпки с застиранными багровыми пятнами сушились на бельевых веревках внутри оранжереи, добавляя своим видом одухотворенному зеленому царству мирской прозаичности.

В Ватикане возникшую проблему разбирали на специальном консилиуме. Наш неза-менимый «Давид» получил новое программное обеспечение с огромной базой формул различных препаратов и улучшенных алгоритмов их «печати». После обновления софта устройство намертво «зависло». При перезапуске вместо гула, напоминающего жужжание трудолюбивого улья, под кожухом затрещало, и отсек наполнился вонючим дымом. Брат Томаш, на попечении которого находились оба 3-D принтера, за несколько минут выдернул на голове остатки волос. «Давид» на время выбыл из производственного цикла. К счастью, нам удалось устранить поломку собственными силами: часть необходимых деталей «напе-чатал» «Голиаф», часть – выпилили из электронной внутренности «Святого Тибальда». «Давид» ожил, но все равно отказывался синтезировать половину препаратов из новой базы, упрямо выдавая сообщение о богомерзкой системной ошибке.

Професс и брат Яков решили оптимизировать рабочее пространство в оранжерее, чтобы обустроить на высвободившейся площади маленький «санаторий». Они собрались разместить бок о бок с моими помидорушками койку, чтобы заходящиеся кашлем и непре-рывно харкающие братья могли отдыхать и наслаждаться влажным, насыщенным запахами земных растений воздухом. У меня были припасены возражения на этот счет, но мне велели заткнуться.

К сотому солу стены базилики были практически завершены. Жан Батист занялся монтажом арматурного каркаса конхи – полукупола над будущим алтарем. Пустые проемы стрельчатых окон апсиды ждали витражей, а нам всем в свою очередь не терпелось увидеть, как спелые лучи солнца проникнут сквозь цветные стекла в храм, чтобы осиять алтарное возвышение, а вместе с ним – просторный неф.

Професс Габриель отправил в Рим подробный отчет о проделанной за сто солов работе. Ответ, пришедший из главной курии ордена, привел его в замешательство и изумление. Про-

фесс призвал братьев отложить все дела и собраться в трапезной на «Святом Тибальде». Тесные коридоры корабля наполнились кашлем, сопением и шарканьем сапог.

– Генерал Пикколомини прислал сообщение! – объявил профессор, когда все девятеро расселись за столом. – Оно касается каждого из нас!

Он дал знак брату Михаилу, и тот включил запись. Под низким подолом зазвучал голос главы ордена.

– Важные новости, братья! Церковь и Его Святейшество с пристальным вниманием следят за вашими деяниями в Terra Innocentiae. Все, что вы совершаете по воле Божьей, способствует укреплению христианской веры и мира на Земле. Ваша страда и ваша самоотверженность не будут забыты. Братья! На прошедшей кардинальской консистории большинством голосом было решено начать процесс по причислению вас к лику святых. Конгрегация по канонизации пока не сделала официальное заявление. Но когда придет время, оно прозвучит. Братья, весь католический мир молится за вас! Deus autem omnipotens benedicat tibi!

Я почувствовал, что у меня онемело лицо. Остальным тоже было не по себе. Мы превратились в соляные столбы, подобно глупой жене Лота во время его бегства из Содома. Лишь брат Жан Батист иступленно кашлял, прикрыв рот заскорузлой тканью.

– Да как такое может быть?.. – выдавил брат Станислав, промокая широкий лоб пропыленным рукавом рясы.

– Для причисления к лику святых необходимо совершение чуда. – Рациональный ум брата Якова апеллировал к существующему порядку и к фактам. – Двух чудес! Причем – каждому из нас! Быть может, я что-то упустил...

– Кто из нас может быть достоин такой чести? – Брат Томаш глядел на братьев, словно в первый раз их увидел. – Кто? – Вопрос повис в воздухе. – Кто, я вас спрашиваю?

– О, mon Dieu! – Жан Батист наконец смог прокашляться.

– Я всего лишь костоправ, который немного разбирается и в других направлениях биологии, – сказал Яков. – Ни на что большее, Господи помилуй, я не претендую! Быть может, ты свят, брат Станислав? – обратился он к сидящему напротив схоласту.

Станислав округлил глаза:

– Я? Я дал обет бедности и безбрачия, чтоб избавиться от тяжести грехов прошлого и пройти путь искупления! Когда-то я был молодым и ушлым доктором философии... я пользовался своим положением в университете, я был взяточником и развратником... О какой святости может идти речь?

– А я был солдатом, – сказал брат Томаш. – Я воевал против террористов в составе вооруженных сил Коалиции. Война сделала из меня параноика, и в моем прошлом тоже хватает всякого, о чем я предпочел бы забыть. Может, брат Аллоизий достоин? Ведь он всю жизнь боролся со злом.

– Чтобы бороться со злом, нужно глубоко понимать его суть, – медленно проговорил экзорцист и прикоснулся к обвисшей губе. – Такие знания очень близко подводят к краю бездны.

На несколько секунд воцарилась тишина.

– Похоже, это какая-то ошибка, – сказал Томаш и перекрестился.

– Да ну! Скажешь тоже! – возразил Маттео. – В совете кардиналов, прости господи, не бездари сидят. Они знали, за что голосовали.

Яков неожиданно указал на меня.

– Вот Франциск – достойнейший из нас! – сказал он, и у меня тотчас же запылали уши, будто у неоперившегося новicia. – То, что он делает в оранжерее на скупом марсианском грунте, – настоящее чудо!

Братья повернулись ко мне. А у меня же появилось ощущение, будто я – крайний.

– Я ожидал, что его драгоценные помидоры сожрет местный грибок, – продолжил, распаясь, Яков. – Или что они не переживут нашествия песчаной мошкеры или попросту мутируют... Но все эти напасти обошли оранжерею стороной! Франциск – воистину блаженное дитя Божие!

– Да, – улыбнулся Жан Батист, показав испачканные красным зубы. – Наш Куст – еще тот Овощ!

Маттео и Яков рассмеялись. Професс Габриель прочистил горло и негромко произнес:

– При беатификации и канонизации мучеников никаких чудес не требуется.

Понадобилось еще несколько секунд, чтоб смысл этой фразы дошел до каждого.

– Да и вряд ли нас причислят к лику святых при жизни, – добавил экзорцист. – То ли дело – после. Генерал сказал ясно: конгрегация заявление не сделала, не пришло время. Так что ждите, когда пробьет час.

Жан Батист снова раскашлялся, а Яков глубокомысленно протянул: «М-да...»

Професс хлопнул ладонями по бедрам и, словно желая разрядить обстановку, изрек:

– Поскольку мы все уже здесь, не отобедать ли нам? Это не запах ли свежего шпинатного супа доносится из камбуза?

Тень смерти расправила крылья над Terra Innocentiae, и день стал мрачнее ночи.

Шел сто одиннадцатый сол. Я собирал первый урожай томатов, это был торжественный и очень ответственный момент моей жизни. Я предпочел бы остаться с моими помидорашками тет-а-тет, но на койке в затененном углу лежал Жан Батист и читал, шевеля воспаленными губами, Евангелие. Открытые потолочные форточки мелко вибрировали, отзываясь на прикосновения ветра. Вкрадчиво шептала листва. Я изо всех сил старался не увлечься мысленной беседой с моими зелеными друзьями и не заговорить с ними вслух.

Что-то заставило меня поднять взгляд и посмотреть сквозь стекло в сторону примыкающих к лагерю пустырей и темной громады Отца над ними.

Со скалы, увенчанной крестом, падал человек. Он летел, раскинув руки, словно сам был символом нашей веры, и ветер трепал его рясу. Падение длилось несколько мгновений, я не услышал ни вопля, ни вообще каких-либо звуков громче поскрипывания форточных петель. Я почувствовал, как человек упал. Земля вроде как вздрогнула. Но характер этой дрожи был не физическим, а скорее эмоциональным.

То, что я увидел, не укладывалось в голове. Поэтому еще секунд десять, находясь в ступоре, я механически срывал с веток плоды и бережно складывал в ведро.

Брат Жан Батист отложил Евангелие, раздвинул ветви Франчески и Анджея, приник к стеклу. На его побелевшем лице выступила обильная испарина.

Ступор отступил, я метнулся к выходу из оранжереи. Ведро перевернулось, и по дорожке покатались спелые помидоры. Жан Батист, неразборчиво бормоча по-французски, схватил залатанные носки, которые он повесил сушиться на изножье койки, но потом плюнул и запрыгнул в сапоги босиком.

Со стороны лагеря к месту трагедии уже спешили братья Маттео, Томаш, Яков и Аллозий.

– Позовите професса! – на бегу потребовал Яков. – Позовите кто-нибудь професса!

Но никто не откликнулся на его просьбу, все продолжили движение к Отцу.

– Кто там был? – задыхаясь, спросил Жан Батист.

– Брат Михаил собирался покрасить крест, – проговорил Томаш.

– Брат Михаил? – Жан Батист в ужасе схватился за голову. – Нет, Господи! Пожалуйста, нет!

Когда до места гибели нашего брата осталось метров двадцать, все невольно перешли на шаг и далее двинулись едва ли не крадучись. Дело было не в том, что мы хотели отсрочить

встречу с неминуемым или малодушничали. Просто в тот момент у нас опустились руки, а в сердца прокралось отчаяние.

Мы вошли в густую тень. От вершины веяло холодом. По небу ползли тучи, цветом и фактурой похожие на наши кровавые плевки. Новый Марс казался нам как никогда чужим и неприветливым.

Все тяжело дышали, кто-то постоянно кашлял. Жан Батист нервным движением пытался убрать с глаз спутанные волосы, но они снова падали ему на лицо. Экзорцист Аллоизий постоянно озирался и принюхивался, словно ожидал почуять запах серы; его глаза нездорово блестели, а из полуоткрытого рта вырывались слабые то ли вздохи, то ли стоны. Томаш шел практически строевым шагом, видимо, проснулись его солдатские инстинкты. Яков был сосредоточен и одновременно – растрепан, можно было подумать, что он только-только испытал на себе посадочные перегрузки. Маттео чесался, как пес, которого заедают блохи.

– Михаил... – констатировал Томаш и перекрестился.

Бедняга лежал лицом вниз на груди щебня. Его руки были раскинуты, словно он продолжал падение. Мокрые волосы походили на разлитую черную смолу. Возле тела валялись куски разбившегося вдребезги кочана огородной капусты. Эта деталь перетянула мое внимание и привела в шок. Капуста? Откуда она у брата Михаила? Уж точно не из моей оранжереи.

Я наклонился и потрогал один из сочащихся влагой кусков. На ощупь – что-то мягкое, совсем не похожее на растение.

– Что ты делаешь, болван? – зашипел на меня Яков. – Это его мозги!

Я поспешно отдернул руку от страшной находки и вытер палец о рясу. Брат Яков прошел вперед, пихнув меня плечом. Маттео и Жан Батист взяли с двух сторон и осторожно перевернули изломанное, тряпичное тело. Я опустился на колени, воздух Марса для меня вдруг стал снова мертвым: гортань сжало стальным обручем.

– Что ж, Михаил-Михаил... – сокрушенно проговорил Аллоизий. – Выходит, ты стал первым нашим святым... Такова Божья воля...

После этих слов я уже не мог сдерживать рыданий. Меня трясло, слезы были горячи, словно лава, и обжигали щеки, рот заполнила тягучая слюна, а из горла вырывались нечленораздельные возгласы, которые могло издавать скорее умирающее животное, чем человек.

– Франциск! Принеси носилки! – потребовал Яков. – Франциск, ты слышишь, что тебе говорят?

Мой добрый Яков дал мне несложное задание, чтоб я не утонул в пучине горя и безумия. Я с благодарностью ухватился за протянутую руку помощи.

Брат Михаил мертв, а Маттео вместе с Жаном Батистом копают ему могилу. Тело лежит на верстаке под пластиковой крышей мастерской. Чтобы скрыть увечья, покойника с ног до головы спеленали светоотражающей пленкой со «Святого Тибальда». Професс пытается написать проповедь, чтобы прочесть ее во время погребения, но не находит слов...

С трудом верилось, что все это происходит на самом деле.

Безусловно, брат Михаил страдал. Его основная работа закончилась, когда «Святой Тибальд» благополучно приземлился и выпустил трапы. Брат Михаил был частью корабля, но корабль мертв, и никогда не взлетит.

Пилот нам больше не требовался, но мы нуждались в инженерных знаниях брата Михаила, мы нуждались в его вере, в его спокойном, как тихая река, нраве и ласковой улыбке.

Мы и в мыслях не могли допустить, что брат Михаил пошел на тяжкий грех самоубийства. Скорее всего произошел несчастный случай.

Я поднялся на вершину Отца вместе с Томашем и Аллоизием. Неровная скальная площадка размерами десять на пятнадцать метров – вот отсюда наш брат отправился в свой последний полет.

Вот крест с окрашенной свежей золотистой краской верхней частью. Вот приставленная к поперечине креста лестница. Вот пятно растекшейся краски. У подножья креста на пыльных камнях лежит кисть.

Я смотрел на это все, и глаза мои застилали слезы.

Томаш подошел к лестнице, проверил, насколько та устойчиво стоит. Все было закреплено на славу, брат Михаил любил основательность. Качнуться лестница не могла, но даже если бы Михаил упал с нее, до края скалы оставалось не менее четырех-пяти метров.

Аллоизий склонился над камнями, его цепкий взгляд подмечал малейшие детали. Вот глубокий след на мелком щебне; тут и там на камнях – едва заметные золотистые полосы, будто кто-то вскользь коснулся кистью.

Томаш подошел к краю скалы и поглядел вниз. Ветер с силой трепал его редкие бесцветные волосы.

– Быть может, Михаил захотел полюбоваться видом, и у него закружилась голова, – предположил он.

...Мы отслужили мессу в недостроенном храме перед недостроенным алтарем. У нас не было дерева, чтобы сделать гроб. Брата Михаила, не вынимая из пленки, положили в грубо собранный ящик из обрезков пластиковой кровли и отнесли к месту погребения на дальней стороне пустыря, примыкающего к горе Святого Духа.

Положа руку на сердце, я не помню, что говорил у могилы профессор Габриель. Жан Батист сначала сильно закашлялся, а потом потерял сознание; у него началась рвота. Яков на месте оказал первую помощь, а я помог перенести Жана Батиста в лазарет.

Во время очередного сеанса связи профессор поведал скорбные новости Ватикану.

– Генерал шлет нам искренние соболезнования, – сообщил он, когда мы поминали усопшего красной жидкостью на порошковой основе, имеющей очень отдаленное сходство с вином. – Чтобы укрепить наш дух, генерал передал, что с благословения Верховного понтифика ведется подготовка следующей экспедиции: верующие начали сбор пожертвований на строительство второго марсианского корабля!

На поминальном столе также были помидоры моего первого урожая.

Шел сто девятнадцатый сол. По графику я должен был посвятить его сбору биологических образцов в предгорьях. Время выпало удачное, поскольку накануне прошел дождь, и дюны ожили. С собой у меня был посох путника и рюкзак с пластиковыми контейнерами для моих находок.

Брат Яков дал названия многим растениям и грибам, но десятки видов оставались пока что безымянными, а тысячи – до сих пор неоткрытыми. Грязно-желтые цветы, похожие на крошечные ветряки, на высоких и ломких колючих стеблях – это пряные крестоцветы. Мелкие серо-голубые кругляши с мохнатой коричневой листвой – это слезы Магдалины. Розовые образования, похожие на друзы, но нежные на ощупь – это кровь Ареса. Над дюнами висели тучи песчаной мошкары, а более крупную живность я скорее всего распугал кашлем.

Крест на вершине Отца на расстоянии выглядел словно тонкий надрез на марсианском небе, а установленные на западном склоне солнечные панели – будто заледеневший водопад. Красноватые блики солнца, лежащие на каплевидном куполе оранжереи, делали его похожим на фальшивый рубин в лавке продавца бижутерии. Громоздкий корпус «Святого Тибальда» и строящийся храм казались естественной частью скалистого пейзажа. Братья были заняты работой. Смерть одного из нас не должна была помешать выполнить миссию.

Я нашел покрытый окалиной минерал. Очевидно – метеорит. Положил его в рюкзак. Затем поймал и поместил в контейнер крошечное, но чрезвычайно агрессивное паукообразное. Я открыл два новых вида пустынной колючки, невзрачное цветковое, отдаленно похожее на незабудку, и очередной лишайник красно-коричневого цвета.

Ветер из сердца пустошей принес облако пыли. Когда я стоял посреди колючей мглы, не видя ни неба, ни земли, ни себя, то почувствовал рядом чье-то присутствие. Кто-то пристально смотрел на меня сквозь клубы, и это был не дух брата Михаила и наверняка не Всевышний. Ощущения были сродни тем, что посетили меня, когда я упал со склона и лежал в яме – ни живой ни мертвый – под враждебным взглядом марсианского солнца.

Мне стало не по себе, но разобраться в эмоциях я не успел, потому что пыль вскоре улеглась, а меня скрутил приступ кашля. Хлынула мокрота. Цвет ее был пугающе красным: то ли из-за свежей пыли, то ли дело все-таки дошло до легочного кровотечения. Уже ничего нельзя было понять.

Я присел на камни и тут же заметил на склоне соседней дюны трепет: как будто клочок цветной ткани запутался в сухих стеблях крестоцветов. Кашель как рукой сняло, я метнулся на движение, позабыв про оставленный посох. Пробежал, шумно дыша и поднимая сапогами пылью, выхватил из рюкзака самый большой контейнер, сдвинул дрожащими пальцами крышку...

Это было крупное чешуекрылое: фиолетово-черный мотылек размером с воробья. Его метаморфоз, очевидно, только-только завершился. Крылья – как свежие лепестки едва раскрывшегося бутона. Они завораживали своей нежностью и хрупкостью. Мотылек цеплялся лапками за стебель и сонно трепыхался, не решаясь взлететь.

«Великолепно! Великолепно!» – приговаривал я, аккуратно запихивая «добычу» в контейнер. Мотылек тут же принялся шуршать – обследовать узилище. Я осмотрелся и буквально под ногами обнаружил полуразрушенную кукольную колыбельку из глины. Вот откуда выбралось мое чешуекрылое!

Пока я разглядывал, стоя на четвереньках, кокон из сухой почвы, кто-то поднялся на дюну за моей спиной. Скатились несколько мелких камней, едва слышно хрустнули реброцветы, похожие на торчащие из земли сеledочные позвончики.

Я обернулся: склон и гребень дюны были пусты.

– Яков? Матео? – Я был уверен, что на мой зов откликнется кто-то из братьев. Скорее всего – Яков. Почему? Потому что он чаще других выбирался в предгорья за образцами. А еще – потому что мне очень хотелось порадовать его своей находкой.

Когда же мне никто не ответил, я искренне удивился. Все это походило на неуместный розыгрыш.

– Яков! Томаш! – продолжал звать я, но пустошь откликалась лишь ноющим гулом песчаной мошки и колючим дыханием ветра.

Неожиданно я понял, что моего посоха на прежнем месте нет. Я прекрасно помнил, где сидел, переводя дыхание: земля возле пористого камня была изрядно заплевана. Посох я оставил рядом, но теперь он исчез. Куда он подевался? Ветром все-таки его сдуть не могло...

Затем мне в деталях вспомнилось расплющенное лицо брата Михаила. Оно проявилось поверх марсианского пейзажа и оставалось перед моим взглядом, куда бы я ни повернулся. Тогда стало ясно, что работы сегодня в поле не получится и что лучше не жадничать, а довольствоваться добытыми образцами, среди которых чего стоил один только мотылек. Нужно было признать, что нервы мои все еще не в порядке, и не пытаться гнуть железо.

Я поправил лямки рюкзака и отправился в обратный путь. Мое тревожное состояние назойливо подталкивало обернуться, но я сопротивлялся этой истерии, как мог.

Никогда прежде путь в лагерь не казался мне таким долгим.

В лагере что-то шло не так. Со стройплощадки не доносилось ни звука. Ни малейшего движения, лишь поднимались над прилегающими пустырями невысокие смерчи. Ни голоса руководителя миссии, раздающего указания, ни ворчания Маттео, ни импульсивных речей Якова...

Навязчивый страшок, который поселился в моей душе во время прогулки в пустоши, грозил перерасти в настоящую панику. Я завертел головой: пусто, кругом – пусто. Глаз начал подмечать тревожные детали: там – небрежно брошенный в пыль инструмент, здесь – неплотно запертые двери мастерской.

А потом я увидел братьев: они бежали друг за другом по тропе, ведущей на западный склон Отца. Не теряя ни секунды, я кинулся следом. Сердце мое болезненно пульсировало, а в ушах стоял ноющий писк, будто в моей несчастной больной голове поселилась туча марсианской мошкары.

Что-то стряслось, когда я был в пустошах. Что-то ужасное.

...Братья остановились на скальной террасе на середине подъема к вершине. Я уже понимал, в чем дело, и мне хотелось рвать на себе волосы и кричать диким ором. Монахи обступили мертвое тело: у нас была очередная потеря. И на сей раз это был не несчастный случай, на сей раз это было убийство.

Брат Станислав отправился на западный склон, чтобы очистить от пыли солнечные панели. Это была, что называется, ежедневная рутина: несложная, монотонная работа, отбрасывающая несколько часов времени. Единственным приятным моментом в ней была возможность любоваться суровой красотой Terra Innocentiae с высоты.

Время, отведенное на регламентные работы с солнечными панелями, прошло. Професс Габриель заметил, что выработка электроэнергии продолжает падать, и отправил разобратся, в чем дело, Маттео и Аллоизия.

Братья, едва начав подъем, смекнули, что произошло непоправимое, и позвали остальных. Солнечные батареи, расположенные по две-три на каменных уступах, были сдвинуты, одна вообще лежала фотоэлементами вниз. На стойках темнели пятна крови.

Когда брат Станислав чистил панели верхнего ряда, кто-то подошел к нему и ударил в горло чем-то острым. Станислав умер не сразу, он цеплялся за жизнь, как мог. Рана не позволяла ему кричать, он пытался добраться до лагеря. Он шел вниз по склону, хватаясь за панели, но на каком-то этапе потеря крови и болевой шок сделали свое дело. Станислав упал с одного уступа, со второго, перевернул батарею, пытаясь подняться... и отдал Богу душу.

Братья почти сразу нашли орудие убийства. Им оказался тепличный кол вроде тех, к которым я подвязывал помидорышки. Его острие было дополнительно заточено.

– Это твое, Помидор? – Яков сунул мне под нос испачканный кровью Станислава предмет.

– Да... То есть – нет... – Я растерялся, потому что такие колья были «напечатаны» «Голиафом» только для нужд оранжереи, и все они на данный момент находились при деле... Впрочем – нет. Толстуху Эстер я фиксировал к каркасу, один неиспользуемый кол стоял в углу тамбура вместе с лопатами, тяпками и граблями. Он настолько мне примелькался, что я давно его не замечал. Я даже не мог сказать наверняка, – до сих пор ли он там.

– Где ты был, Помидор? – строго спросил Яков.

Я часто-часто заморгал.

– В предгорьях. Собираю образцы. – Я поглядел на братьев и пояснил: – Сегодня моя очередь работать в поле.

– Тогда, Куст, почему ты не в поле? – продолжал давить Яков. – И кто сможет подтвердить, что ты действительно находился в пустошах, а не прятался где-нибудь здесь за скалами?

Меня покорило это неприкрытое недоверие. В качестве доказательства я предъявил контейнер с мотыльком.

– Подтвердить может, наверное, только он... – Чешуекрылое заматалось в прозрачной коробочке. – Я поймал его в дюнах. Думал, ты обрадуешься...

Яков зачем-то ударил меня по запястью. От неожиданности я выронил контейнер, крышка соскользнула, и мотылек выбрался на волю. Стоило ему расправить крылья, как его подхватило ветром и сдуло с уступа. Я проводил взглядом трепетное пятнышко, которое стремительно отдалялось от хребта. Пятнышко превратилось в точку и слилось с фоном.

– Яков... – укоризненно протянул руководитель миссии.

– Монсеньор, мне не хочется об этом говорить, но нужно принимать во внимание, что за случившееся в ответе кто-то из своих, – обратился к профессу Аллоизий. – Кто-то подошел к Станиславу на близкое расстояние и нанес удар. Станислав не ожидал подвоха. Орудие убийства было легко спрятать под рясой.

– Следы... – протянул слабым голосом профессор, правой рукой он сжимал нагрудный крест.

– На этой высоте ветер сглаживает все следы... но оставшиеся принадлежат только братьям, – сказал экзорцист, покачивая головой.

Во взгляде Габриеля читалась такая боль, что я едва не потерял сознание. Думаю, если бы Аллоизий заявил, что во всем виноват демон из ада, то профессор вздохнул бы с облегчением.

– Нужно сличить следы! – горячо проговорил Яков. – Нужно сделать на «Голиафе»... как это называется? Дактилоскопический порошок! И снять с орудия убийства отпечатки пальцев!

– Но кто займется всем этим? Кто сможет? – спросил, сжав курчавую бороду в кулаке, Матео.

– У меня есть микроскоп! – заявил Яков. – Я могу!

– Ты – не криминалист и не судмедэксперт, – мягко напомнил ему профессор.

Яков попытался возразить, и тогда голос профессора стал жестче и громче:

– Среди нас нет ни сыщиков, ни судей, ни палачей. Я уверен, что среди нас нет и убийцы. Господь просто не допустил бы такого.

Все молча глядели на профессора. Никогда еще, наверное, наша вера не подвергалась столь серьезному испытанию, как в те секунды. Никогда еще авторитет руководителя миссии не оказывался под большим сомнением.

– Брат Станислав был богословом и клириком, а это значит, что потерю понес не только наш орден, потерю понесла Церковь. Да как вы смеете, стоя у не успевшего остыть тела, разводить суету и бросаться никчемными обвинениями! Чего вы взъелись на брата вашего Франциска?.. – Глаза профессора сверкнули, он закашлялся, а потом договорил, с мукой шевеля поалевшими губами: – Мы похороним Станислава как можно скорее! Никаких игр в детективов! Мы здесь для научной работы, строительства храма и развития общины!

Несколько секунд тянулась пауза, заполненная лишь отрывистым присвистом ветра.

– Нужно уведомить Папскую жандармерию, – пробурчал Аллоизий.

– Разумеется, брат, я отправлю генералу самый подробный доклад, – ответил сквозь зубы профессор. – Уведомлять жандармерию или нет – решат в главной курии. Ну! – Он поглядел на нас исподлобья. – Кто поможет мне нести тело Станислава?

– И еще – нужно присматривать друг за другом. – Аллоизий приподнял покойника за плечо; голова погибшего схолста запрокинулась, на всеобщем обозрении оказалась похожая на кратер рана. – Не прихоти ради, а в целях общей безопасности.

Братья двинулись вниз. Я же остался на уступе: уселся на краю и какое-то время просто смотрел на размытые пылевой дымкой пустоши. Я раскачивался из стороны в сторону,

обхватив себя руками, и что-то тихонько ныл под нос. В голове не было мыслей, только горячий туман и желание спать. Затем ступор стал понемногу отпускать. Я поднялся, окинул взглядом солнечные батареи, засучил рукава рубашки и принялся за работу. Нужно было поправить положение панелей и очистить фотоэлементы от грязи. Для нормальной жизни община нуждалась в электричестве.

...Очередное погребение походило на фрагмент заикливого кошмарного сна. Ощущение реальности происходящего исчезало подчистую. Иногда я терялся, мне казалось, что до сих пор продолжаются похороны брата Михаила.

– Вот и Станислав ушел... – сказал Маттео Жану Батисту, и они обнялись, преисполненные скорбью. Я прикинул к крепкому плечу Маттео и дал волю слезам. А нас троих в свою очередь обнял Яков. Мы были семьей, потерявшей за короткое время двух близких людей.

Далее последовали тревожные открытия и происшествия.

Тот лишний кол, который хранился при входе в оранжерею, действительно исчез. Взять его мог только кто-то из своих... чтобы превратить в орудие убийства. В голове не укладывалось, что такое вообще возможно. Я несколько раз проклял себя за то, что вообще заказал «печать» этих шуток, ведь мог же обойтись без них. Безмозглый я Овощ!

Професс Габриель подготовил отчет о происшествии. Но отправить его не удалось: на вершине Сына, где находилась антенна дальнего действия, вспыхнул короткий, но очень яркий фейерверк, а затем во всем лагере отключилось электричество. Энергосистему перезапустили, профессор и Томаш помчались выяснять, что случилось. Вернулись злые и удрученные: антенна была мертва, сгорело все, что только могло, – электросилового привод, система наведения, опорно-поворотное устройство... оплавился даже сам рефрактор. Ущерб был невосполним. Габриель и Томаш без особой убежденности предположили, что причина аварии – в обрыве заземления и статическом электричестве. Дальше – хуже. Выяснилось, что нескольких секунд перенапряжения в сети до срабатывания защиты хватило, чтобы вышла из строя и приемопередающая аппаратура на «Святом Тибальде».

Таким образом, призрачный мост, соединяющий нас с Землей, рухнул, и община неожиданно-негаданно оказалась в полной изоляции.

– Временно, – сказал нам Томаш голосом смертельно уставшего человека. – Я посмотрю, что можно починить. В конце концов, это всего лишь радио...

Нам пришлось удовлетвориться этим туманным обещанием, поскольку ничего другого не оставалось. После совместной молитвы мы разошлись по отсекам-келям, но вряд ли кому-то в ту ночь удалось сомкнуть глаза.

Затем не стало Жана Батиста.

Насколько мы поняли, он встал раньше всех и сразу же отправился на стройку: оценить, что сделано, и прикинуть фронт работы на день, за ним водилась такая привычка. Жан Батист, по-видимому, упал с незавершенной арки на насыпанный булыжником черновой пол храма и разбил голову.

– Семь негрят дрова рубили вместе, зарубил один себя, и осталось шесть их, – процитировал Яков, натягивая на руки латексные перчатки. Он стоял у тела погибшего, его глаза были полны слез и злости.

Я с ужасом глядел на месиво из костей и плоти, в которое превратилась голова Жана Батиста.

– Как он так смог разбиться? Как же он так?.. Вдребезги! – Из-за спазма в горле я едва-едва мог говорить.

Яков оценивающе поглядел на меня.

– Даже полный овощ вроде тебя смекает, что и в этом случае дело нечисто. – Яков поднял взгляд на арку и призадумался. – Если бы Жан Батист сорвался с такой высоты...

Да при здешней гравитации... Уверен, он бы даже палец на ноге не сломал. Отделался бы легким испугом, и все дела. Нет, Помидор. Ему злонамеренно расколотили голову. Как? Это я и собираюсь выяснить.

По движению воздуха и надсадному кашлю я понял, что в храм вошли остальные.

– Неужели это никогда не закончится? – простонал Маттео.

– Закончится, – возразил Томаш. – Закончится, когда закончимся мы сами.

– Снова погребение... – обреченно констатировал Габриель.

– Не сегодня! – неожиданно возразил Яков. – На этот раз я собираюсь обследовать тело брата... Произвести вскрытие: все как полагается. И не подходите ближе! – Он выставил руку, отгораживаясь от нас. – Вы можете уничтожить улики!

– Ты с ума сошел, Яков! – воскликнул Габриель. – Я, по-моему, уже говорил, что мы не станем воображать из себя сыщиков! Эта клоунада оскорбительна! Так мы ни к чему не придем!

Но сегодня Яков был непреклонен. Чаша его терпения переполнилась.

– При всем уважении, монсеньор, я буду делать то, что должен! – бросил он в ответ. – Вы можете остановить меня силой! Или пожаловаться в Ватикан!

Это было прямое неповиновение. Я еще ни разу не слышал, чтобы в таком тоне говорили с человеком, на чьем пальце блестит епископский перстень. Габриель встал между Яковом и нами, развел руками и спросил сурово:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.